L'ÉGLISE ROMAINE

ET

LA LIBERTÉ DES CULTES

DISCOURS PRONONCÉ A GENÈVE

LE 20 DÉCEMBRE 1877

PAR

ERNEST NAVILLE

SUIVI DE REMARQUES SUR L'INFAILLIBILITÉ DU PAPE
ET D'UNE ÉTUDE SUR LES ÉGLISES D'ÉTAT

GENÈVE
LIBRAIRIE A. CHERBULIEZ & Cie
1878

Римская церковь

и

свобода вероисповедания

Речь, произнесённая в Женеве 20 декабря 1877 года Эрнестом Навилем, с примечаниями об ошибочности догмата о непогрешимости папы и исследованием о государственных церквях.

Женева
1878

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

† † †

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Вопрос – 3
Ответ – 3
I. Религиозные преследования возможны только со стороны государства – 3
II. Всякое государство, которое принимает или учреждает культ, встаёт на путь, ведущий к преследованию – 4
III. Преследования осуществлялись от имени всех культов, принятых государством – 5
IV. Преследования осуществлялись от имени культов, учреждённых государством – 6
V. Преследования осуществлялись от имени государственного суверенитета – 6
VI. Преследования осуществлялись от имени свободы – 7
VII. Религиозный нейтралитет государства — единственный способ прочного утверждения свободы вероисповеданий – 7
VIII. Христианство противостоит всякому принуждению в вопросах веры – 10
IX. Римская церковь не исповедует догматов, противоречащих гражданской свободе вероисповеданий – 10
X. Энциклика и Cyllabus содержат учения, противоречащие гражданской свободе вероисповеданий – 12
XI. Те части Энциклики и Cyllabus, которые осуждают гражданскую свободу вероисповеданий, не являются предметом веры для католиков – 13
XII. Римские католики могут участвовать в общественной деятельности, благоприятной свободе вероисповеданий, не отрекаясь от веры своей Церкви – 15
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Замечания относительно декрета о непогрешимости папы – 18
ПРИЛОЖЕНИЕ II. Государственные церкви – 23

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я затронул в серии публичных речей проблему происхождения христианской религии, заявив, что останусь вне всяких конфессиональных споров. От имени нескольких моих слушателей мне был задан вопрос, не приводят ли принципы католической церкви неизбежно её членов к преследованию других вероисповеданий.

Вопрос, касающийся особых догматов или дисциплины Римской церкви, принадлежал бы к сфере полемики, в которую я решил не вступать; но поскольку я утверждал, что всякое преследование противоречит духу Христа, то и вопрос, который мне был задан, не выходил за рамки моего учения.

На следующих страницах мой ответ дополняется двумя трудами, которые его подготовили. Первый содержит замечания по поводу непогрешимости Папы, составленные в 1873 году. Второй представляет собой исследование о государственных церквах, опубликованное в одном периодическом сборнике в 1875 году. Эти два сочинения, возможно, ценой некоторых повторов, будут иметь то преимущество, что разовьют и прояснят мою мысль. В любом случае они послужат доказательством того, что я не ответил легкомысленно и без должной подготовки на поставленный вопрос.

Мой ответ не содержит никаких элементов конфессиональной полемики: я не оценивал значимость различных христианских церквей. Плоскость, на которую я встал, не является — и не должна была быть — исторической: я не стремился оценить относительную тяжесть различных преследований, которые был вынужден упомянуть. Единственный вопрос, который я поднял в своей речи, был следующий: обязан ли римский католик, согласно принципам своей церкви, уничтожать, когда может, свободу вероисповеданий?

Я отвечаю: нет, приводя свои доказательства.

Я полагаю, что нашёл слова истины, которые должны бы быть словами мира. С этой надеждой я и публикую эти страницы, вверяя их доброй воле людей доброй воли.

Женева, апрель 1878 года

ВОПРОС

«Вы с энергией осудили религиозные преследования и справедливо заклеймили Инквизицию. Вы убедительно доказали, с явным одобрением слушателей, что всякое насилие в вопросах веры противно духу Христа. Но не является ли преследование естественным следствием учений Римской церкви? Если бы католики снова стали господами общества, не стали бы они в наши дни делать то же самое, что делали в прошлом? Не следует ли из этого, что принципы, которые вы защищаете, должны были привести вас к нападению на католицизм — чего вы не захотели сделать?»

ОТВЕТ

Я не могу дать надлежащего ответа на поставленный мне вопрос, не затронув темы религиозных преследований в целом. Вопрос этот важен; он довольно щекотлив в нынешнем настроении умов, особенно в Женеве. Чтобы не осталось никакой неясности относительно моей позиции, я изложу её в виде двенадцати тезисов, которые и предлагаю вашему вниманию.

I. Религиозное преследование может осуществляться только государством.

Исходная формулировка тезиса была: «Религиозное преследование может исходить только от государства». Я изменил её, чтобы она точнее отражала развитие моей мысли, поскольку

слово исходить может относиться к вдохновению на какую-либо меру так же, если не более, чем к её исполнению.

Я называю религиозным преследованием не только меры, носящие характер насилия, но всякое нарушение прав индивида или группы людей по причине их вероисповедания или культа. Так определённое преследование имеет множество степеней. Ещё несколько лет назад священнослужители кантона Во, не совершившие ни малейшего преступления, но служившие не в государственной церкви, были преследуемы жандармами и заключены в пределы своих родных коммун. От такой меры до меча и костра, — разумеется, далеко; но применённый принцип один и тот же. Форма преследования смягчается с развитием нравов, но пока нарушается право на основании веры и культа — суть остаётся прежней.

Для того чтобы право было нарушено, необходима принудительная сила. А кто, кроме случая анархии, обладает силой принуждения? Только те, кто располагает законной властью, то есть правительства. Именно они распоряжаются жандармами, держат ключи от тюрем, преследуют напрямую — или, что ещё постыднее, позволяют организовывать преследования, становясь их соучастниками, когда не пресекают их. Ни одна церковь, как церковь, никогда не имела в своём прямом распоряжении жандармерию. В Средние века некоторые духовные лица обладали светской властью. В Германии, особенно, существовали князья-епископы; епископ Рима вплоть до наших дней владел собственным государством. Но это было случайное соединение политической власти и религиозной функции. Это смешение двух различных порядков к счастью прекратилось.

Оно прекратилось в случае светской власти Папы способами, которые нельзя одобрить с точки зрения общественного права; но здесь я говорю об интересах религии и общества, не желая ни в какой мере применять принцип «цель оправдывает средства».

В наши дни, повторяю, за исключением анархии, только правительство, только государство обладает принудительной силой. Но оно применяет её по наущению церкви — отсюда мой второй тезис:

II. Всякое государство, которое принимает культ или учреждает культ, вступает на путь, ведущий к преследованию.

Я не говорю здесь о режиме конкордатов. Если государство заключает соглашение с какой-либо церковью, рассматриваемой как особое общество, соглашение, которое не является законом и не носит обязательного характера для кого-либо, кроме сторон-участников, — с точки зрения, который я здесь отстаиваю, всё в порядке. Ценность режима конкордатов может быть предметом разного мнения; но в этом нет угрозы свободе. Другое дело — если государство принимает культ и объявляет его национальным, или если оно решает само учредить культ. Тогда сеется семя преследования.

Почему? Потому что закон государства по своей сути обязателен; и, следовательно, как только государство организует религиозную сферу, граждане, участвующие в ином культе, чем официальный, становятся подозреваемыми в мятеже. Именно с такой трудностью сталкивался апостол Павел. Иудеи обвиняли его перед Галлионом, проконсулом Ахайи, говоря: «Этот человек уговаривает людей почитать Бога вопреки закону» Деян. 18:13

Плиний, наместник Вифинии, пишет императору Траяну, своему господину и другу. Он признаёт, что христиане, похоже, невиновны в тех преступлениях, в которых их обвиняют; но это люди, которые отказываются поклоняться государственным идолам и приносить жертвы статуе Цезаря. И он пишет: «Тех, кто признался, я пригрозил наказанием; и если они упорствовали — предавал казни, ибо в этом было упрямство и упорство, которые следует наказывать, каковы бы ни были их причины».

Плиний, по-видимому, не придаёт значения самому культу идолов; но этот культ есть закон государства — и тот, кто его нарушает, подлежит смерти как мятежник. Религиозный вопрос исчезает, уступая место вопросу политическому.

Обстоятельства могут помешать развитию пагубного зерна, которое заключено в законной силе, приписанной культу. В нынешней Англии религиозная свобода полна, несмотря на существование официального культа. Но пока это ядовитое зерно сохраняется — есть основания для опасений. Даже в странах, где практика свободы имеет давнюю традицию и вошла в обыденность, вмешательство государства в религиозные дела всегда грозит возвращением к мерам принуждения.

III. Преследования совершались от имени всех культов, принятых государством.
Испания, Франция, Италия преследовали — и известно, с какой яростью — во имя католической апостольской римской религии. В России царь преследовал во имя восточной кафолической Церкви: поляки и лютеране это знают. Преследовали от имени епископальной церкви Англии. При Елизавете рука власти обрушилась на римских католиков и ещё более сурово — на пуритан. Чезаре Канту утверждает, что насилия, совершённые тогда в Англии, превзошли ужасы испанской инквизиции. Я полагаю, он преувеличивает; но даже если убрать все преувеличения, зло остаётся великим. Преследования Елизаветы слишком напоминали преследования её сестры, Марии Кровавой. Позже пришёл Кромвель, который был отнюдь не мягок с ирландскими католиками. Он загнал их в один из округов острова, позволив жителям соседних округов убивать без суда всякого, кто будет застигнут вне установленных границ.

Вот весьма поучительное сопоставление фактов и дат для предмета нашего исследования. Поводом для поставленного вопроса послужили высказывания об инквизиции, Варфоломеевской ночи и отмене Нантского эдикта. Следовательно, нет необходимости снова распространяться об этом. Нантский эдикт был отменён 22 октября 1685 года. А 26 ноября 1686 года, через месяц и четыре дня после того, в связи с переменой веры некоего господина Франсуа С., сына покойного дворянина Теофиля С., советника, в консисторских реестрах Женевы были записаны следующие строки: «Постановление Совета в разъяснение эдикта июля 1609 года против отступников, гласит: граждане и буржуа, которые, нарушив свою присягу, переменят религию, будут лишены всех прав, привилегий и прерогатив города, высланы навсегда под страхом смертной казни, с запретом принимать их в нашем городе и на наших землях, под страхом штрафа в 1000 экю».

Эти два факта, разумеется, не тождественны. Они различаются по своей природе: Людовик XIV нарушает заключённое соглашение и попирает торжественно данное обещание; республика Женева лишь сохраняет ранее изданный эдикт. Последствия этих двух мер несопоставимы; однако их сопоставление весьма поучительно, поскольку напоминает, что в ту эпоху общим правом Европы являлось юридически обязательное закрепление религии. Религия была территориальной: кто хотел быть католиком — должен был покинуть Женеву; кто хотел стать протестантом — должен был удалиться от Шамбери.

Следовательно, преследовали от имени всех культов, принятых государством. В этом отношении то, что делалось в прошлом, к сожалению, отнюдь не применимо исключительно к Римской церкви. Таково влияние культов, принятых государством, то есть тех, предписаниям которых государство придало силу закона. Но вот что происходило далее. Духовенство регулирует культ. Значит, когда государство принимает культ, оно становится своего рода вассалом духовенства. Сделав религию обязательной, правительства тем самым обязываются сами подчиняться Церкви. Это явление и наблюдалось в Средние века. Современное общество секуляризировалось, или, иными словами, государство стало светским. Если бы оно лишь утвердило свою независимость в пределах собственной

компетенции, всё бы встало на свои места. Увы, по естественной, но неправомерной реакции, государство, сбросив иго духовенства, захотело само регулировать дела религии. Гражданская власть освободилась, но не освободила личностей, и на смену клерикальным преследованиям пришли преследования светские.

Исключение: Среди протестантских общин братья Моравские представляют собой в этом отношении замечательное исключение. Они сохранили религиозный элемент в независимости и исповедуют принципы наибольшего братства. В их уставе читаем: «Мы считаем своими братьями во Христе всех детей Божиих, к какой бы церкви или христианской деноминации они ни принадлежали. Мы искренне любим их, отвергая, как абсолютно противный духу Христа, всякую вражду, порождённую расхождениями в доктринальных взглядах или религиозных институтах». (Правила для членов церкви братьев в Швейцарской Романдии, с. 6)

IV. Преследования совершались от имени культов, учреждённых государством.
В 1790 году Учредительное собрание Франции занялось "регулированием религиозного служения и учреждением его, как всех остальных". Эти слова г-на Тьера заслуживают вдумчивого прочтения; они проливают яркий свет на один из аспектов истории Революции.

Если бы Учредительное собрание попыталось договориться по соглашению (конкордату) с Папой, рассматриваемым как уполномоченный католиков, или если бы оно предоставило самим французским гражданам, объявившим себя католиками, организовать свою церковь — оно осталось бы в пределах законного порядка. Но случилось иначе. Это собрание захотело регулировать религиозное служение, как все прочие, то есть посредством суверенного решения гражданской власти. Многие из депутатов, возможно, полагали, что просто организуют католическую церковь, тогда как было совершенно очевидно, что конституцией гражданского устройства духовенства учреждалась новая церковь, прямо установленная государством.

Факты не заставили себя ждать и заговорили громко. Вот что произошло: Одновременно с учреждением государственной церкви было объявлено, что прочие культы свободны. Декрет от 23 июня 1793 года гласил: «Свободное отправление культов не может быть запрещено». Католики пожелали воспользоваться этой свободой. Вся религиозная живость перенеслась в неофициальный культ, и государственная церковь оказалась хилым младенцем. Чтобы её защитить, потребовалось задушить её соперницу. Католические священники были названы мятежниками. Они сказали: «Всё наша "несогласие" заключается в убеждённости, что "конституционный культ" не есть католический культ, и в том, что мы учим, будто это так. За исключением этого одного пункта, мы полностью подчиняемся гражданскому порядку и законам».

Протест оказался тщетным, ибо "этот один пункт" был именно тем, по которому от них требовалось подчинение. Все строгости правительства обрушились на священников и верующих, не признававших за политической Конституцией права решать религиозные дела. Свобода культов значилась на бумаге — но по всей Франции свирепствовала ужасная травля.

V. Преследования во имя суверенитета государства
Правительства, подобно освобождённым рабам, иногда переходили от состояния вассальной зависимости от религии к состоянию враждебности. Опасаясь всякого влияния, кроме собственного, они подавляли религиозный элемент ради укрепления своей власти. Именно такая тенденция проявилась во второй фазе Французской революции. Все религии были подвергнуты преследованию, всякое внешнее проявление религии было запрещено, а отрицание бессмертия души было провозглашено публичным декретом. Один из указов,

касающийся захоронений, требовал, чтобы на воротах кладбищ всех коммун Франции была написана надпись: «Смерть — это вечный сон». Этот указ подписал Фуше, который был представителем народа при Республике, начальником полиции при Империи и министром при Людовике XVIII. Запрет религиозной свободы во имя исключительного суверенитета государства приобретает ироничный оттенок, когда (а такое бывало) он провозглашается во имя свободы.

VI. Преследования во имя свободы

Вот текст декрета, опубликованного представителем французского народа при миссии, 1 нивоза II года (21 декабря 1793 года): «Чтобы свобода культов существовала в полной мере, запрещается кому бы то ни было проповедовать или писать в поддержку какого-либо культа или религиозного мнения. Виновный в таком преступлении будет немедленно арестован, признан врагом республиканской конституции и передан революционному трибуналу».

Господа, быть переданным революционному трибуналу — это вовсе не пустяк. Этот декрет был недавно представлен Французскому институту как историческая курьёзность, — но не обманывайтесь: если бы позитивисты одной известной школы пришли к власти, эта «историческая курьёзность» снова стала бы реальностью. Суть в том, что государство не хочет допустить никакого влияния, кроме своего. Формулировка заключается в том, чтобы защищать свободу личности от любого влияния. Чтобы каждый остался полностью свободен, запрещается оказывать какое-либо воздействие на мысли других.

Разве именно эта логика не вдохновила строки, которые я отметил в одной недавней политической программе: «Запрет всем религиям, сектам или конгрегациям говорить, писать или действовать каким-либо образом, противоречащим духу и букве гражданского закона». Я не знаю автора этой статьи, но не сомневаюсь, что, запрещая религиозным общинам попытки повлиять на законы, он считает себя либеральным писателем.

Иногда ущемления религиозной свободы оправдываются именем свободы с таким рассуждением: «Эта церковь исповедует взгляды, противоречащие свободе. Если её последователи придут к власти, они лишат свободы остальных. Следовательно, мы должны лишить свободы их самих».

Я не рассматриваю случай, когда под предлогом религии формируются заговоры против общества. Ясно, что религиозная свобода не может оправдывать монахов, собирающих оружие и порох, и превращающих свой монастырь в центр заговора. Но если речь идёт лишь о провозглашении определённых доктрин и моральном влиянии — такое рассуждение ложно. Единственный способ сохранить свободу — это применять её на практике. Её нужно навязать даже её противникам и побеждать зло добром. Уничтожать свободу во имя её защиты — это как поступок пастушка Агнеле из комедии адвоката Пателя: он убивал овец своего хозяина, чтобы спасти их от ящура.

Подводя итог: До тех пор пока государство будет вмешиваться в религиозные дела — чтобы либо поддерживать религии, либо препятствовать им — всегда будет риск появления либо клерикальных, либо светских преследований. Проявления будут разными в зависимости от уровня цивилизации и нравов. Преследование может носить прерывистый характер, но до тех пор, пока светская власть будет служить культам или их противникам, семя преследования будет жить и при благоприятных условиях даст свои плоды.

VII. Религиозный нейтралитет государства — единственный способ установить прочную свободу вероисповедания

Религиозный нейтралитет государства прежде всего требует, чтобы реализация гражданских и политических прав не зависела от религиозной принадлежности. Это условие

уже выполнено в нашей стране и во многих странах Европы. При таких условиях церковь должна рассматриваться государством как обычное гражданское объединение, подчинённое общему праву, действующему для всех организаций.

Из этого следуют четыре последствия (ещё не достигнутые):

1. Не должно быть никакого религиозного законодательства, организующего какой-либо культ, ибо, если государство организует один культ, оно не будет нейтральным по отношению к другим.

2. Каждый культ будет свободен в своих действиях, пока его сторонники не совершают преступлений, определённых и наказуемых обычными законами.

3. Религиозные объединения будут защищены так же, как и все остальные. Государство не позволит покушений на их законную свободу.

4. Религиозные объединения, как и все прочие, будут наказуемы, если нарушают чужие права.

Таковы основные положения системы религиозного нейтралитета государства.

Однако что требуется для реализации такой системы? Нужно отделить религиозный элемент от понятия национальности — то есть разрушить ассоциацию, почти универсальную в истории. В христианском мире это значит разрушить дело императора Константина, за которым стоит долгая традиция и сильная привычка.

Религиозная свобода имеет много сторонников в теории; её принцип легко провозгласить, но трудно принять её последствия. Нужно убедить католика-француза в том, что протестант может быть столь же хорошим французом, как и он сам. Нужно объяснить англиканскому патриоту, что католики, подчинённые Папе, имеют такие же права быть англичанами, как и он. Нужно, чтобы сын старой Женевы понял, что монашеская ряса имеет такое же право разгуливать по улицам города Кальвина, как и фрак пастора. Это всё нелегко, ведь приходится задевать чувства, пусть даже уважаемые и традиционные. Но свобода религии этого требует.

Каждый имеет право добиваться сохранения религиозного облика своей страны через убеждение, слово и моральное влияние. Но религиозные национальности больше не должны получать государственную поддержку. Совесть, как область, принадлежащая Богу, должна быть полностью освобождена от власти кесаря. Для этого достаточно, чтобы правительство воздерживалось. Пусть кесарь вложит меч в ножны и вынимает его лишь для защиты нарушенных прав — и свобода культов будет обеспечена.

Александр Вине уже давно заметил: когда кесарь вложит меч в ножны, останутся церкви — терпимые или нетерпимые (это их дело), но культ будет свободен с точки зрения общества. Их борьба будет словесной и интеллектуальной — они будут проливать чернила, а не кровь. Костры будут потушены, останется лишь пламя полемической страсти. Тюрьмы по религиозным причинам будут закрыты; своих противников можно будет загнать только в логическую ловушку, а не за решётку. Таковы плоды религиозного нейтралитета государства. Тогда корень преследований будет отсечён. Я не говорю о домашних и частных преследованиях, вызванных узостью взглядов и фанатизмом — это зло можно победить только моральным воспитанием душ.

Вопрос, который я рассматриваю, — это вопрос публичного права и законодательства. Всё это мне кажется совершенно ясным. Но вы, возможно, думаете, что я уклонился от поставленного вопроса, а не ответил на него. Вот почему.

Принцип свободы вероисповедания — это превосходный принцип; но законы создаются не принципами, а людьми. Некоторые французские писатели, которых называли доктринёрами, утверждали, что социальный суверенитет принадлежит разуму. Но я никогда не видел эту даму на троне и не знаю, как её туда посадить. Законы пишут не разум, а люди из плоти и крови. Если эти люди исповедуют взгляды, противоречащие религиозной свободе, они её и уничтожат, когда придут к власти. Именно по этой причине может показаться, что я уклонился от главного вопроса — является ли Католическая церковь, по своим догматам, враждебной к свободе вероисповедания? В этом случае, несмотря на моё твёрдое намерение избегать споров, я не смогу иначе как дать определённый ответ, поскольку вопрос касается не богословской доктрины, а влияния этой доктрины на гражданскую свободу.

Итак, вот каков поставленный вопрос: Обязывает ли римско-католическая Церковь своих последователей, — когда они обладают властью, — уничтожать свободу вероисповедания?

Я отвечаю: нет.

Но так как это утверждение может показаться парадоксальным, я постараюсь его объяснить. Свобода вероисповедания может быть предметом религиозного учения в двух аспектах:

С точки зрения истины. Спрашивается: имеет ли человек право исповедовать заблуждение, равно как и истину? Или же его свобода ограничена обязанностью искать и придерживаться только истины? Ответ Католической церкви в этом случае отрицательный. Она говорит: человек не имеет права верить, во что хочет; он обязан искать истину и повиноваться ей. Но, господа, так же отвечает любая религия, которая верит, что обладает истиной. Ни одна религия не скажет: ошибайся спокойно, это твой законный выбор. Все религии осуждают заблуждение. Разница лишь в том, каким образом они предполагают борьбу с заблуждением — моральным убеждением или принуждением.

С точки зрения гражданских прав. Здесь спрашивается: имеет ли человек право — в обществе и перед законом — практиковать религию, отличную от господствующей, или вовсе никакую? На этот вопрос Католическая церковь в настоящее время отвечает утвердительно, — при условии, что это не нарушает общественный порядок и что государство допускает разнообразие религий. Католическая церковь признаёт, что, в условиях религиозного плюрализма, гражданская власть может и должна гарантировать свободу всех культов. Это признано и в втором Ватиканском соборе, и в учении многих пап последних времён, особенно Льва XIII и Пия XII.

Но возникает другой вопрос: А каков идеал для Католической церкви? Идеал — это государство, в котором господствует истина, то есть католическая вера, и другие культы — не поощряются, но терпятся, если без этого нельзя обойтись. И вот здесь — источник всех опасений. Ведь если последователи этой церкви получают политическое большинство, не попытаются ли они вернуться к идеалу — и лишить свободы другие вероисповедания? И именно здесь важно то, что я хочу подчеркнуть: Даже если идеал Католической церкви не включает свободу других вероисповеданий, её современное учение признаёт, что эта свобода может и должна существовать в обществе, как выражение мира и гражданского порядка. Она не обязывает своих членов уничтожать эту свободу, когда те у власти. Более того, многие католики — по совести, по убеждению, по христианской любви — убеждены в необходимости этой свободы как права личности и как средства мирного сосуществования.

Я знаю это не по книгам, а по опыту, по встречам с достойными и искренними католиками, друзьями свободы.

Поэтому: Ни католическая догма, ни римская дисциплина, ни учение недавних пап не предписывают обязательности религиозного преследования. Католик может быть, и часто бывает, искренним другом свободы вероисповедания. Вот ответ, который я обязан был дать — без страха, но и без ненависти.

VIII. Христианство противно всякому принуждению в вопросах веры.
Это вытекает из самого представления о поклонении «в духе и истине»; ибо то, что можно навязать силой — словесное согласие с определёнными доктринами, соблюдение внешних обрядов — не есть ни дух, ни истина. Более того, уважение к праву Бога, неразрывно связанное с уважением к человеческой совести, составляет существенную часть христианского духа. К этому общему влиянию Евангелия присоединяются прямые слова Христа о разделении временного и духовного и об использовании «огня и меча».

Наконец, нельзя забывать пример, данный Церковью на протяжении более двух веков. Христиане довольно быстро стали столь многочисленны, что могли бы задуматься о применении силы в защиту своего дела. Из прямого свидетельства Тертуллиана следует, что они сознавали такую возможность; но, оставаясь верными духу своего Учителя, они не использовали никаких других оружий, кроме слова, примера и мученичества. Таковы принципы Евангелия. Но не отреклась ли Римская церковь от этих принципов? Не признала ли она законность применения светской власти в вопросах веры? Вот я подхожу к самому центру вопроса.

IX. Римская церковь не исповедует догматов, противоречащих гражданской свободе вероисповеданий.
— Слышу некоторое негодование.
— Прошу вас выслушать меня, прежде чем судить.

Я беру слово «догмат» в широком смысле — как всё, что обязательно для католика, будь то предмет веры или нормы поведения. Когда Церковь вынесла решение, католику остаётся лишь подчиниться или выйти из её состава. Но наряду с вопросами, решёнными обязательным образом, остаётся пространство свободных вопросов — как для отдельных людей, так и для групп внутри Церкви. Существовали ли когда-либо декреты вселенских соборов, осуждающие гражданскую свободу вероисповеданий? Это вопрос исторический и спорный, выходящий за рамки моей темы. Я рассматриваю Римскую церковь такой, какой она проявляется в своей современной деятельности.

Никогда невозможно будет понять поднимаемый мной вопрос, если не различать в любом обществе его основную структуру и тенденции правящей партии. Нельзя приписывать конституции Швейцарской Конфедерации действия и замыслы той политической партии, которая в данный момент преобладает в Федеральном дворце. То же самое справедливо и для Римской церкви. Тенденции, доктрины и действия правящей партии не входят в составной элемент религиозного сообщества как такового и не являются обязательными для всех верующих. А ведь в этой Церкви, совсем недавно, в Европе, особенно во Франции, существовали два ярко выраженных лагеря. Один выступал за свободу для всех и верил в свободу.

Послушайте это: «Кто исключает хотя бы одного человека из числа тех, кому он требует права, — тот не искренен и не достоин бороться за святую цель человечества. Общественное сознание всегда будет отвергать того, кто требует свободы лишь для себя, или безразличен к правам других; ибо свобода лишь для себя — это привилегия, а свобода,

равнодушная к другим, — предательство… Да, католики, поймите это ясно: если вы хотите свободы для себя, вы должны желать её для всех людей и под всеми небесами». Вы не найдёте более ясного и вдохновенного выражения подлинного либерализма. Кто это сказал? — Доминиканский монах, отец Лакордер. Где он это сказал? — С кафедры Нотр-Дам де Пари, в присутствии архиепископа, и без всякого выговора с его стороны.

Среди мирян — граф де Монталамбер и его друзья мыслили и говорили в том же духе. Эта группа была относительно немногочисленна, но весомая по качеству своих представителей. Рядом с этим лагерем существовал другой, олицетворённый ныне живущим человеком, имя которого достаточно известно, чтобы его можно было назвать публично — господин Вёйо, редактор газеты L'Univers. О ней Лакордер говорил: «Я готов быть другом всех, но не Univers». Господин Вёйо защищал такую доктрину, которую господин Эмиль Олливье метко передал словами: «Когда у власти вы — я требую у вас свободы, ибо это ваш принцип; когда у власти буду я — я не дам вам свободы, ибо это не мой принцип!»

Таковы были два лагеря, существовавшие и противостоявшие друг другу в недавние годы внутри Римской церкви. Один — лагерь либеральных католиков; другой я назову, прибегая к неологизму, — лагерем авторитарных католиков. Важно помнить: речь идёт об общественной власти в отношении гражданской свободы вероисповеданий, а не о религиозной власти, которая есть основной принцип католицизма. Сегодня либеральная партия не в почёте в Риме. Энциклика от 8 декабря 1864 года и прилагаемый к ней «Список заблуждений» (Syllabus) вызвали большое волнение в мире. Это волнение было естественным, потому что:

- В Списке (Syllabus) отвергнуты утверждения, которые, по мнению всех либералов, составляют основание гражданской свободы;
- Эти утверждения отвергнуты без различения обстоятельств, времени, места, способов применения;
- Они отвергнуты в форме догматической, или, по крайней мере, таковой, что их легко принять за догматическую;
- Список соединён с энцикликой, имеющей совершенно иной характер, где Папа заявляет, что он осуждает только заблуждения, уже ранее осуждённые в прежних документах;
- Многие из этих документов, указанные в сносках, недоступны или малоизвестны;
- На них невозможно сослаться с уверенностью и точностью, потому что в энциклике нет точного указания на эти места;
- Таким образом, по мнению многих католиков, вопрос остаётся открытым, и они не считают себя связанными тем, что не имеет характера официального и обязательного определения;
- Однако, для людей, не сведущих в различении степеней авторитета в документах Церкви, всё это производит впечатление решённого вопроса, и так как эти люди составляют большинство — то, что им кажется, становится, в глазах публики, образом мышления всей Церкви.

Вот почему, господа, было бы великой несправедливостью утверждать, что догматы Римской Церкви противны свободе вероисповедания. Но было бы столь же великой наивностью утверждать, что вся Римская церковь, во всех своих частях, во всех своих выражениях и действиях, исповедует дух Евангелия в этом отношении. Она разделена; она разрывается между тем, что в ней ещё живо от духа Христа, и тем, что она восприняла от римского духа — этого наследия Империи, соединившегося с Церковью, когда она стала господствующей силой. Из этого противоречия возникают кризисы, замешательство и сопротивления. Они болезненны, но, быть может, плодотворны.

Я говорю так потому, что вера в Евангелие, как я её понимаю, может поддерживать в людях терпение и надежду. Я не сужу людей по их партиям; я не утверждаю, что один лагерь был всегда прав, а другой всегда неправ. Но я говорю:

- если когда-нибудь Римская церковь возвратится к чистому духу Христа,
- если она перестанет требовать для себя исключительного права,
- если она признает свободу совести как право, священное для всех,
- если она перестанет прибегать к силе,
- тогда, несмотря на все разногласия, день примирения будет возможен.

X. Энциклика и Список (Syllabus) содержат доктрины, противоречащие гражданской свободе вероисповедания.

Я говорю доктрины, имея в виду свободные мнения, а не догматы, которым каждый католик должен подчиняться. Я изучил Энциклику и Список внимательно и с мирным духом. Я выслушал то, что мне говорили; я прочитал то, что писали, чтобы истолковать эти документы в смысле, не отрицающем свободу вероисповеданий. В некоторых статьях я был вынужден признать, что противники Римской церкви исказили мысль Папы; но есть и такие места, которые оказались невозможными для либеральной интерпретации.

Я приведу два примера: Энциклика прямо осуждает мнение, что «наилучшей формой правления является та, при которой власть не считает себя обязанной карать нарушителей католической религии, кроме как в случае угрозы общественному порядку». А между тем именно это осуждённое утверждение и есть суть разумного и подлинного либерализма. Гражданская власть обязана подавлять материальные беспорядки, независимо от их происхождения, но не должна вмешиваться в религиозные споры, пока те остаются в сфере убеждений и идей.

Список в статье XXIV осуждает утверждение, что «Церковь не имеет права применять силу и не обладает никакой временной властью — ни прямой, ни косвенной». Это положение — угроза, и притом весьма ясная угроза свободе вероисповеданий. Понятно, почему публика была сильно взволнована публикацией Энциклики и Списка. Что довело это волнение до предела, так это декрет Первого Ватиканского собора, который 18 июля 1870 года провозгласил непогрешимость Папы и сделал эту до того спорную доктрину — догматом веры. Если бы мне позволили выразить личное мнение, я сказал бы, почему считаю это решение подлинным несчастьем. Но поймите: я веду исследование, в котором личные мнения неуместны.

Я констатирую факты и стараюсь представить их вам без страстных предубеждений, которые искажают суть и значение событий. Что же произошло на деле? Провозглашение непогрешимости Папы положило конец прежнему спору о носителе авторитета. Одни католики считали непогрешимость принадлежащей Папе одному, другие — Совместно Папе и Собору. Обе точки зрения ранее считались допустимыми. Собор утвердил первую и осудил вторую. На этом основании вполне естественно рассудили следующим образом: Папа объявлен непогрешимым. Список и Энциклика были составлены Папой. Эти документы осуждают свободу вероисповедания. Следовательно, осуждение свободы вероисповедания стало догматом, составной частью Римской Церкви. Следовательно, всякий католик теперь обязан бороться за уничтожение свободы вероисповедания и за возвращение к применению гражданских наказаний против инакомыслящих.

Этот ход рассуждений вызвал немалое возмущение. Он послужил оправданием и даже основанием для множества несправедливых мер. Если возможно доказать, что это — ошибка, пусть и естественная, что несмотря на внешность, Римская церковь не

провозгласила догматов, противных свободе вероисповедания, — тогда доказать это будет значить совершить дело умиротворения и дело, служащее справедливости.

XI. Части Энциклики и Силлабуса, которые осуждают гражданскую свободу вероисповеданий, не являются предметом веры для католиков.

Понятно, что я могу утвердить это положение, лишь опираясь на заявления самих католиков; но таких заявлений не недостаёт. Собор не приписал догматическую власть словам Папы в общем, а только в том случае, если он говорит ex cathedra, то есть «когда, исполняя обязанности пастыря и учителя всех христиан, в силу своего высшего апостольского авторитета, он определяет, что учение по вопросам веры или нравственности должно быть принято всей Церковью».

Что такое догматическое определение, произнесённое ex cathedra? Я этого не знаю, и, может быть, это не так-то просто узнать. Согласны ли католики признавать за Силлабусом признаки определения ex cathedra? — Нет. Это официальное заявление генерального секретаря Ватиканского Собора в сочинении, одобренном Пием IX. Впрочем, мне вовсе не нужно для моих целей разрешать трудный вопрос различия между словами Папы, которые являются ex cathedra, и теми, которые таковыми не являются. Мне достаточно констатировать, что высший авторитет Папы признаётся в вопросах веры и нравственности, но не в вопросах гражданского и политического права.

А в этом отношении оговорки, сделанные и опубликованные в католическом мире, отличаются совершенно ясной определённостью. Так как мы находимся в Швейцарии, давайте послушаем католических епископов нашей родины. Все они собрались во Фрибуре в июне 1871 года, чтобы разъяснить смысл и объём непогрешимости, признанной Собором за епископом Рима. Вот их объяснения, основанные на тексте Ватиканского декрета:

Собор прямо и в самой решительной форме опровергает это безумное или злонамеренное толкование, будто Папа имеет власть и возможность произвольно решать по любому вопросу, возводить в догмат или в католическое вероучение всё, что ему придёт в голову, навязывать это верующим и притом претендовать на обладание в этом вопросе привилегией непогрешимости.

Итак, не существует такой личной непогрешимости Папы, но есть только непогрешимость учительного авторитета Папы; и даже эта непогрешимость распространяется лишь на откровение, уже данное Богом, то есть на доверенное Церкви сокровище веры. Папа не непогрешим ни как человек, ни как частное лицо, ни как учёный, ни как священник, ни как епископ, ни как светский правитель, ни как судья, ни как законодатель. Он не непогрешим и не безгрешен ни в своей жизни и поведении, ни в своих политических намерениях, ни в отношениях с государями и правительствами, и даже не в управлении Церковью в целом; он непогрешим только и исключительно тогда, когда, в качестве верховного учителя Церкви, принимает по вопросам веры и нравов решение, которое должно быть принято и признано обязательным для всех верующих.

В этих ограничительных пояснениях власти папского слова для доказательства моей мысли важно отметить лишь одно: отрицание компетенции римского понтифика в вопросах гражданского и политического права. А в этом отношении тексты предельно ясны. Послушаем: «Рядом с религиозным обществом существует и гражданское; рядом с церковной иерархией — власть светских правителей, обладающих в своей сфере полной суверенностью, и которым человек обязан в совести повиноваться и оказывать уважение во всех нравственно допустимых вещах, относящихся к области гражданского общества».

«Учение о непогрешимости Папы, говорящего ex cathedra и выносящего решения по статьям веры, не имеет никакого отношения к положению и власти гражданских правительств в делах политики и в вопросах гражданского права. Непогрешимость ограничена исключительно сферой католических истин, касающихся веры и нравственности, и не простирается ни на что иное».

«Древние Буллы и Конституции Пап, касающиеся вопросов гражданского и политического права, вовсе не являются решениями веры или догматическими определениями высшего и непогрешимого учительного авторитета. И то же самое следует сказать о Буллах, которые в будущем могут касаться вопросов гражданского права».

Всё это абсолютно ясно. Папство для католиков — религиозная власть. Свобода вероисповеданий, которая по существу является вопросом гражданского и политического права, не входит в его компетенцию. Формальные заявления швейцарского епископата таким образом совершенно ясно устанавливают, что части Энциклики и Силлабуса, угрожающие свободе вероисповеданий, не являются предметами веры для католиков. Эти заявления не вызвали никаких возражений со стороны римского двора. Я даже думаю, хотя и не могу утверждать с полной уверенностью, что они получили официальное одобрение Папы.

Вам кажется это слишком тонким? Вы говорите — да. Что ж, господа, я не отрицаю, что вышеизложенные различия могут превзойти понимание широкой массы католического народа, и что многие склонны будут распространять высшую власть Папы на все области. Но для разумного человека эти различия совершенно ясны. Я покажу вам их на примере.

Житель Люцерна, член Большого Совета своего кантона, выходит из дома и встречает своего кюре, который говорит ему: «Вы идёте в Большой Совет. Помните, что вы сын Церкви и что вы должны оправдать своё звание христианина. Старайтесь не поддаваться страстям партийного духа. Будьте правдивы. Будьте справедливы. Стремитесь только к благу страны». Этот кюре хорошо сказал. Он продолжает: «Что касается обсуждаемого закона, не забудьте желаний нашего Святого Отца Папы, который…».

Люцернец перебивает своего пастора: «Вы знаете, мосье кюре, я вполне лояльно подчиняюсь авторитету Церкви; но пастырское послание наших епископов, которое вы нам читали с кафедры, сообщило нам, что Папа не является непогрешимым в своих политических намерениях и что его компетенция не распространяется на гражданскую сферу. Поверьте мне, мосье кюре, если вы хотите, чтобы ваше влияние и влияние Церкви, которую вы представляете, оставались неприкосновенными, не вмешивайтесь в наши муниципальные и кантональные дела. Напоминайте нам о наших обязанностях. Проповедуйте нам дух справедливости, дух истины, дух любви; но оставьте нам заботу применить ваши наставления к политическим делам в соответствии с просветлением нашей совести».

Легко объяснить истинное положение вопроса на примере. Статья LXXIII Силлабуса осуждает мнение, что «на основании чисто гражданского контракта может существовать настоящий брак между христианами». Это правило, касающееся веры и нравственности, которое, несомненно, входит в компетенцию церковной власти. Это правило обязательно для католиков, потому что Силлабус, какова бы ни была его догматическая ценность, лишь напоминает по этому поводу формальное решение Римской Церкви. Католик, следовательно, не признает, что гражданский акт может сделать брачный союз законным с религиозной точки зрения. Следует ли отсюда, что католик-законодатель должен голосовать за отмену гражданского брака? — Совсем нет. Это вопрос гражданского и политического права, и вопрос весьма серьёзный, потому что гражданский брак является существенным

условием свободы вероисповеданий. Католик-законодатель может, таким образом, полагать, что гражданский брак не является подлинным браком с религиозной точки зрения, и, тем не менее, голосовать за его сохранение с точки зрения гражданской, потому что он не захочет навязывать следствия своей веры своим соотечественникам, которые её не разделяют.

В декабре 1875 года католики подали петицию королю бельгийцев с требованием отменить гражданский брак; а католические комитеты, собравшиеся в Лилле, обратились с аналогичным требованием к членам Национального собрания Франции. Ни бельгийские законодатели, ни французские, хотя и были католиками в подавляющем большинстве, не приняли это требование к рассмотрению. Это предостережение годится для некоторых кюре. Позвольте мне добавить, что оно не повредило бы и некоторым пасторам.

Пастырское послание швейцарских епископов мало известно. Возможно, в этом многочисленном собрании не найдётся и десяти человек, которые его читали. Это довольно странно. Собор провозглашает непогрешимость Папы. Этот факт потрясает общественное мнение, возбуждает страсти, порождает потоки речей и газетных статей, становится причиной серьёзных разногласий и предлогом для несправедливых мер. Швейцарский епископат собирается. Он говорит католикам: «Папа для вас — непогрешимый истолкователь религиозной традиции». Он говорит всем: «Власть Папы — чисто духовная. Когда он высказывает своё мнение по вопросам гражданским и политическим, его слово не обязывает католиков в вере». И документ такой важности остаётся в общем неведомым!

Каковы причины этого явления? Вот они, если я не ошибаюсь: авторитарные католики не хотят привлекать внимание к заявлениям, противоречащим их воззрениям. Либеральные католики, сдерживаемые естественным уважением к главе своей Церкви, не любят слишком громко говорить о том, что есть области, в которых Папа может ошибаться. Протестантские полемисты с готовностью ухватились за оружие, которое дал им соборный декрет, и не стремились пролить свет на то, что могло бы притупить острие этого оружия. Наконец, журналисты политических партий, враждебных римскому двору, поспешили истолковать соборный декрет в смысле, наиболее благоприятном для своей полемики.

Итак, существуют три причины — одна от католиков, другая от протестантов, третья от политических партий — которые способствовали тому, что документ, способный умиротворить умы, остался в тени. Три мотива должны побудить вывести его на свет: интерес истины, интерес справедливости и интерес мира. Из приведённых выше соображений вытекает, что:

XII. Римские католики могут принимать участие в социальной деятельности, направленной на защиту свободы вероисповедания, не отрекаясь от веры своей Церкви.

После постановления Собора о непогрешимости папы либеральная школа может продолжать существовать внутри католицизма, потому что, хотя эта школа и была осуждена господствующей партией, это осуждение не имеет силы обязательного догматического решения. На деле эта школа существует и заявляет о себе в присутствии авторитарной школы. Одна из американских газет, как утверждают, вдохновленная католическим епископом, заявила, что если её Церковь воздерживается от преследования еретиков, то исключительно потому, что она слишком слаба для этого.

Но другая американская газета, орган римских католиков Нью-Йорка, опубликовала следующие строки: «Благородные чувства, которые два с половиной столетия назад побудили католиков Мэриленда стать первопроходцами религиозной свободы в Новом Свете, до сих пор живы в сердцах католиков Соединённых Штатов. Даже здесь мы были

жертвами преследования, и не исключено, что подобные испытания могут постигнуть нас в будущем; но мы глубоко убеждены, что, даже если бы мы составляли девять десятых населения этой страны, мы никогда не отречемся от принципа религиозной свободы, который для католиков Соединённых Штатов, по крайней мере, является священным и неприкосновенным. Лично мы с отвращением отвергли бы человека, способного считать, что какая-либо иная позиция могла бы быть справедливой или достойной».

В Англии кардинал Мэннинг, один из самых известных защитников ультрамонтанской доктрины, опубликовал следующие строки: «Мы, без сомнения, желали бы, чтобы все люди искренне верили в истину; но вера, навязанная силой, — это ненавистное лицемерие перед Богом и людьми. Если бы завтра католики пришли к власти, не было бы издано ни одного закона, направленного на принуждение к их вере, и даже ни одного закона, который лишал бы преимуществ тех, кто не является католиком... Если бы католики стали завтра сильнейшими в этом королевстве, они не использовали бы свою политическую власть, чтобы тревожить своих соотечественников за верования, отличающиеся от их собственных уже много веков. Мы не закрыли бы ни одной их церкви, ни одного колледжа, ни одной школы».

Некоторые из вас, господа, возможно, думают про себя, слушая меня: «Так говорят, когда не у власти, но когда приходят к власти — действуют иначе». Я не знаю, как бы поступили английские католики, если бы пришли к власти. Но то, что я знаю достоверно, — если, добиваясь свободы, будучи вне власти, они хоть немного бы её ограничили, оказавшись при власти, — они бы не были ни изобретателями, ни монополистами такого приёма. Неужели только в Англии и США есть католики, исповедующие такие либеральные принципы? Нет. Слова кардинала Мэннинга, которые я вам зачитал, были процитированы с трибуны Сената в Версале французским епископом, который назвал «оскорбительным обвинением» предположение, будто католики его взглядов требуют свободы для того, чтобы прийти к власти, и будут подавлять её, когда станут сильнее.

Я видел в одной газете, что кардинал Мэннинг высказывал мнение, что в стране, где определённое вероисповедание единогласно исповедуется, следует принимать меры, чтобы не допустить нарушения этого единодушия. Это политическое мнение разделял Монтескьё, который пишет в главе X книги XXV «Духа законов»: «Вот основной принцип политических законов в отношении религии: когда есть возможность принять в государстве новую религию или не принимать её, её не следует учреждать; когда она уже учреждена, следует её терпеть».

Возможно, кардинал Мэннинг разделяет политическое мнение Монтескьё. Но, как бы то ни было, факт остаётся фактом: после Ватиканского собора римский кардинал мог исповедовать мнение, согласно которому католики, пришедшие к власти в стране, где установлена свобода вероисповеданий, должны эту свободу полностью уважать. Такое заявление было бы невозможно, если бы преследование свободы вероисповедания было возведено в ранг догмата. Правда, не все французские епископы говорят так же. Вчера я читал пастырское письмо, от которого у меня осталось ощущение, что я ни за что не хотел бы попасть в когти его автора. В нём рассуждают так: каждый католик обязан принять учение Энциклики и Силлабуса. Энциклика и Силлабус осуждают свободу вероисповедания. Следовательно, каждый католик должен стремиться к уничтожению этой свободы.

Умозаключение правильное, и меньшая посылка верна, но (простите старому преподавателю логики эту схоластическую терминологию) большая посылка ложна. Епископат Швейцарии, епископ Орлеанский, кардинал Мэннинг произнесли слова, позволяющие утверждать, что римские католики могут принимать участие в социальной деятельности, благоприятной свободе вероисповеданий, не отрекаясь от веры своей

Церкви. Эта точка зрения не является точкой зрения господствующей партии в католическом мире. Точнее говоря, хотя, возможно, она разделяется большинством католиков в странах с высокой степенью цивилизации, она не является мнением большинства духовенства. Однако это свободное мнение, которое не было осуждено никаким действительным решением Церкви. Чтобы это изменилось, потребовалось бы новое постановление Собора.

Допустим, Папа заявил бы, что его непогрешимость распространяется на гражданские и политические вопросы. Часть католиков формально отказывает ему в этом праве, как мы видели. Возникающий спор касался бы пределов папской власти. Кто мог бы решить этот вопрос? Папа — на основании своей непогрешимости? Отнюдь нет, ведь речь идёт именно о границах этой непогрешимости. Только Собор имел бы необходимую власть, чтобы истолковать постановление, принятое Собором. С юридической точки зрения это элементарно.

Если бы Собор распространил папскую непогрешимость на гражданские и политические вопросы, тогда всё содержание Силлабуса стало бы правилом веры для католиков. Мнения, высказанные кардиналом Мэннингом, епископом Орлеанским, швейцарскими епископами, были бы формально осуждены. Свобода вероисповедания стала бы противоречащей догматике, ставшей основополагающей частью католицизма, и каждый последовательный католик должен был бы использовать все свои силы, чтобы уничтожить эту свободу. Тогда каждому искреннему либералу оставалось бы только воскликнуть словами Корнеля: «Я благодарю богов за то, что не римлянин, Чтоб что-то человеческое ещё сохранить».

Но, слава Богу, до этого не дошло! В нынешнем состоянии дел по-настоящему либеральное мнение может объединить христиан всех церквей. Под по-настоящему либеральным мнением я понимаю, как отец Лакордер, мнение, требующее свободы для всех, включая и противников свободы, свободы не только на словах, но и на деле — свободы, при которой идеи не преследуются жандармами, а верования оспариваются только оружием слова и обсуждения. Я не говорю о порядке светском, который всегда будет нуждаться в жандармах, в судах и в тюрьмах. Я не говорю об угрозах общественной безопасности, угрозах, которые общество всегда должно подавлять — независимо от их происхождения.

В области идей и убеждений, если верить в Бога, надо верить и в свободу; надо верить в окончательную победу истины — либо через свободу, либо через страдание от гонений, но никогда через гонения, причиняемые другим.

Закончим, господа. Могут существовать действительно либеральные католики, которые, хотя и не пользуются благосклонностью со стороны партии, ныне господствующей в их Церкви, тем не менее, не выходят за рамки веры своей Церкви. Я убеждён, что их больше, чем принято думать. Что касается Швейцарии, я убеждён, что многие наши католические соотечественники, твёрдо решившие остаться в лоне своей Церкви, не менее твёрдо настроены сохранить или восстановить свободу вероисповедания. Будем работать вместе с ними ради успеха этого доброго дела. Что сдерживает сегодня его продвижение? Вмешательство правительств в религиозные дела — то есть применение принципа, который был, есть и будет источником гонений — больших или малых, отвратительных или смешных — до тех пор, пока от этого принципа не откажутся полностью.

Я останавливаюсь. Я не хочу высказывать оценки в отношении современных событий, оценки, которые могли бы ввести страсти в обсуждение, которое я хотел сохранить в пределах самой строгой беспристрастности. Отвлекитесь на мгновение от конфессиональных забот и борьбы политических партий, чтобы увидеть вопрос в его истинном свете.

Свобода вероисповедания — это закон общественной жизни, и не может быть церковным законом; потому что, скажу это в последний раз, власть, способная угрожать свободе, — это власть, обладающая материальной силой, а не та, что владеет лишь пером и словом. Религиозная свобода — это доброе и великое дело. Её прочное утверждение стало бы одним из самых подлинных достижений современной цивилизации. В её защиту следовало бы объединить не только христиан всех Церквей, но и иудеев, и всех друзей справедливости, какой бы ни была их вера; всех, кто заинтересован в благе религии, всех, кто заинтересован в благе общества, всех, кто уважает совесть и её права.

Следовало бы соединить все эти силы, чтобы воплотить замысел Христа, чтобы начертать на медной плите, знаками, которые уже не сможет стереть никакое революционное бурление, эти три закона, которые на деле суть один: свобода совести, — свобода вероисповедания, — свобода религиозных объединений.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Заметки о декрете, касающемся непогрешимости Папы
НОЯБРЬ 1873 года

18 июля 1870 года Ватиканский собор провозгласил непогрешимость Папы. Этот факт имел грозные последствия в религиозной сфере: он углубил бездну между Римской Церковью и Восточной Церковью, вызвал новый раскол и предоставил новые аргументы не только противникам Римской Церкви, но и противникам христианской веры вообще. Однако, если бы вопрос остался исключительно в религиозной плоскости, общественное мнение не было бы потрясено так сильно, как это произошло. Является ли догматической властью, которой подчиняются приверженцы той или иной веры, Папа, Западный собор, Вселенский собор или Священное Писание — это такие вопросы, которые в нынешнем состоянии умов не способны увлечь толпу или обеспокоить политиков.

Истинная причина потрясения, вызванного провозглашением непогрешимости, заключается в тех последствиях, которые приписываются этому акту в отношении положения, предоставленного гражданской власти, и религиозной свободе. То, что Римская Церковь является нетерпимой — в том смысле, что она оставляет за собой право исключать из своего состава тех, кто отрицает её веру или не подчиняется её дисциплине, — присуще всякому религиозному сообществу, достойному этого имени; но опасаются, что она стремится восстановить нетерпимость в другом смысле, а именно — навязать себя гражданскому обществу и уничтожить свободу мнений. Отсюда и возникает тревога умов. Вот как формулируется вопрос:

Энциклика от 8 декабря 1864 года прямо осуждает мнение, согласно которому «лучшей формой правления является та, в которой власти не признают за собой обязанности применять санкции к нарушителям католической религии, за исключением случаев, когда этого требует общественное спокойствие». В этой же энциклике с одобрением приводятся слова Григория XVI, осуждающего как бред «мнение, что свобода совести и культов есть право, присущее каждому человеку, и что оно должно быть провозглашено и обеспечено в любом правильно устроенном государстве». Осуждается также идея, что «Церковь не имеет права применять временные наказания к нарушителям своих законов». Силлабус, приложенный к энциклике, в § XV осуждает положение о том, что «каждому человеку позволено исповедовать ту религию, которую он считает истинной в свете разума». В § XXIV он отвергает утверждение, будто «Церковь не имеет права применять силу и не обладает никакой прямой или косвенной временной властью».

Наконец, в письме, написанном по приказу Папы 22 октября 1864 года (секретарём латинских писем Ф. Меркурелли), как пагубная ошибка указывается мысль тех, кто допускает, что «нужно подчиняться решениям Святого Престола во всём, что касается религии и нравов, но не считать себя связанными в вопросах управления гражданским обществом».

Эти тексты предписывают уничтожение гражданской свободы вероисповеданий и использование светской власти в вопросах веры. Они пробуждают печальные воспоминания об инквизиционных кострах и драгоннадах Людовика XIV. Эти документы были составлены под личной ответственностью Папы. Папа был признан непогрешимым Собором. Следовательно, кажется, что эти тексты становятся предметом веры для всех верных Римской Церкви, и что каждый католик, по совести, обязан — насколько это в его силах — стремиться к уничтожению свободы вероисповеданий и к применению временных наказаний к нарушителям своей религии.

В этом случае, даже если Церковь сама не прибегает к светской власти, она провоцирует её применение всякий раз, когда её приверженцы находятся у власти. Именно это столь сильно потрясло общественное мнение. В словах Папы, прикрытых щитом его непогрешимости, увидели объявление войны католицизмом свободам современных государств, и по всей Европе была развернута настоящая крестоносная кампания против папства и его сторонников. Некоторые католики говорят и действуют так, что эти опасения становятся только более оправданными. Вот, например, что можно прочесть в одной американской газете, находящейся, как утверждают, под влиянием католического епископа:

«Мы признаём, что Римская Церковь — нетерпима, то есть она использует все имеющиеся в её распоряжении средства, чтобы искоренить заблуждение и грех; но эта нетерпимость — логическое и необходимое следствие её непогрешимости. Только она одна имеет право быть нетерпимой, ибо только она — истина и обладает истиной. Церковь поэтому терпит еретиков лишь тогда, когда её к этому принуждают, но она смертельно их ненавидит и направляет все свои силы на их уничтожение. Как только католики получат здесь значительное большинство — а это, без сомнения, однажды произойдёт, хоть и нескоро — тогда религиозная свобода в Соединённых Штатах окончится. Наши враги это говорят — и мы вместе с ними в это верим. Наши враги знают, что мы не стремимся быть лучше нашей Церкви, и что касается самой Церкви — её история открыта перед всеми. Они знают, как Церковь действовала в Средние века в отношении еретиков и как она поступает сегодня везде, где обладает силой. Мы вовсе не намерены отрицать эти исторические факты или осуждать святых Божиих и князей Церкви за то, что они совершили или одобрили эти деяния.

Ересь — смертный грех, она губит душу и ввергает всего человека — тело и душу — в ад. Более того, она — крайне заразная болезнь, которая распространяется до бесконечности там, где укоренилась, и тем самым ставит под угрозу временное и вечное блаженство бесчисленных поколений. Вот почему истинно христианские правители искореняют ересь до корня в своих царствах, а христианские государства изгоняют её со своей территории, как только могут. Если сейчас мы воздерживаемся от преследования еретиков здесь, мы громко заявляем: это только потому, что мы слишком слабы, и в нынешнем положении дел нам кажется, что, пытаясь это сделать, мы причинили бы больше вреда, чем пользы Церкви, которой служим».

Все католики, конечно, так не думают; и есть немало таких, кого подобные высказывания глубоко ранят. Они стремятся рассеять страхи, вызванные публикацией Энциклики и Силлабуса, утверждая, что Папа излагает идеал общества, объединённого верой, но что, провозглашая этот идеал, Папа учитывает реальности. Они говорят, что теория Энциклики

не применима — по замыслу её автора — к государствам и эпохам, в которых единство веры нарушено. Они напоминают, что отец Перроне, один из первых богословов нашего времени, в трактате, официально опубликованном в Риме со всеми церковными одобрениями, признаёт, что бывают обстоятельства, в которых «гражданская терпимость не только дозволена, но и необходима».

Однако этот ответ не может быть признан полностью удовлетворительным, так как можно заподозрить, что именно необходимость делает терпимость допустимой в глазах отца Перроне. Такое понимание подтверждается и тем фактом, что в упомянутом выше письме секретаря латинских писем, как раз по вопросу гражданского общества, рекомендуется не считать хорошим и не стремиться распространять «то, что ситуация и сила обстоятельств заставляют терпеть, чтобы избежать больших зол». В таком случае религиозная свобода не имела бы никакой другой гарантии, кроме невозможности её уничтожить в данных обстоятельствах. Терпимость терпели бы лишь потому, что не в силах её устранить.

Защитники Энциклики и Силлабуса высказывают более обнадеживающие мысли, указывая на то, что Рим всегда терпел публичное существование евреев и, начиная с Пия VII, — протестантского богослужения. Справедливо истолковывать тексты в свете фактов. Какой более убедительный пример можно привести в подтверждение того, что католик у власти может терпеть инославные культы, даже не будучи к тому принужденным, чем пример Папы, допускающего на своей собственной территории и иудейское, и протестантское богослужение? Этот факт заслуживает внимания, но он свидетельствует лишь об исключении, сведённом к узким рамкам, исключении, которое, если и подтверждает правило, то не отменяет его. Всё же остаётся мысль, что католик, подчиняющийся декретам Ватикана, был бы обязан по совести уничтожить свободу вероисповеданий, как только получит на это возможность. Папа рисует картину идеального общества и учитывает обстоятельства; но не является ли долгом всякого верного Папе подданного — трудиться над осуществлением этого идеала и, как только сможет, «наказывать временными карами нарушителей законов Церкви»?

Эта мысль — горькое зерно раздора в обществе; она является главным аргументом людей, утверждающих, что необходимо устранить свободу католицизма ради спасения свободы в мире. Это, поистине, странный либерализм — тот, что не верит в силу свободы и хочет её уничтожить ради её же установления. Но аргумент, выводящий из необходимости спасения свободы необходимость разрушения свободы католиков, хотя и логически порочен, всё же оказывает воздействие на многие умы. К счастью, ему можно отнять его кажущуюся силу, доказав, что хотя существует школа, победа которой (что, впрочем, не представляет опасности) повлекла бы за собой уничтожение свободы вероисповеданий, эта школа не есть сам католицизм, ибо те части Энциклики и статьи Силлабуса, которые касаются отношений религии с гражданской сферой и угрожают свободе культов, не являются предметами католической веры.

Эта истина, хорошо установленная и ставшая общеизвестной, была бы ценным элементом умиротворения в нынешних спорах. Вот её доказательство.

Существует три вещи, которые следует различать:

1. Вера и нравы, то есть то, что касается вероучения и частной жизни людей;
2. Дисциплина и управление Церковью;
3. Отношения религии с гражданским порядком и светскими властями.

Эти три области различаются в документах, исходящих от самого Святого Престола. В Энциклике прямо говорится: «Мы не можем умолчать об дерзости тех, кто утверждает, что, поскольку суждения апостольского Престола и его декреты, касающиеся общего блага

Церкви, её прав и дисциплины, не затрагивают догматов веры и нравов, — им можно не подчиняться без греха».

Письмо секретаря по латинской корреспонденции, написанное по поручению Папы, содержит, как мы уже видели, следующие слова: «Некоторые из тех, кто признаёт, что следует подчиняться решениям Святого Престола во всём, что касается религии и нравов, не считают необходимым делать то же самое, когда речь идёт об управлении гражданским обществом».

Первый из этих двух отрывков различает управление Церковью и вопросы веры и нравов; второй различает то, что относится к гражданскому обществу, от собственно религиозных предметов. Таким образом, Папа ясно различает эти три области и утверждает своё верховенство в каждой из них.

Что же сделал Собор?

- Он признал непогрешимость Папы в вопросах доктрин, касающихся веры и нравов .
- Он признал высшую власть Папы (но не непогрешимость) в вопросах дисциплины и управления Церковью.
- Он ничего не постановил относительно отношений религии с гражданскими властями, и, следовательно, относительно гражданской свободы вероисповеданий.
- Известно, что была создана комиссия богословов для подготовки заключения по этому вопросу, так что он настолько мало был решён, что даже официально считался открытым.

Таковы факты. Их значение бесспорно. Непогрешимость Папы была провозглашена лишь в области доктрин, касающихся веры и нравов; и нельзя сказать, что выражения "вера и нравы" охватывают всё, поскольку в документах, исходящих от самого Святого Престола, отдельно рассматриваются не только отношения с гражданской сферой, но и дисциплина и управление Церковью. Папа, претендующий на привилегию своей непогрешимости в вопросах отношений между светской властью и религией, превышал бы тем самым свою компетенцию, как она была определена Собором. Dogmatica Constitutio de Ecclesia Christi, гл. IV: "непогрешимое учительство Римского Первосвященника". Там же, гл. III: "о природе и характере примата Римского Понтифика". Действительно, в главе 3 этой же конституции осуждаются «те, кто утверждает, что можно обжаловать решения римских понтификов на Вселенский Собор», но это осуждение касается лишь «дел, находящихся в церковной компетенции», что не охватывает отношения Церкви с гражданской властью.

Если бы между Папой и частью католического мира возник спор по поводу связи веры с гражданской свободой вероисповеданий, Папа не мог бы решить его единолично от имени своей непогрешимости, поскольку непогрешимость, признанная ему, не распространяется на эти вопросы. Лишь Собор мог бы легитимно истолковать границы и объем этой непогрешимости — не Папа. Следовательно, если бы епископ, возобновляя тезисы, столь ярко защищённые отцом Лакордером и его единомышленниками, открыто выступил в защиту гражданской свободы культов и был бы за это осуждён Римом, он мог бы обжаловать это решение на Соборе. Дело католических либералов не пользуется благосклонностью в Риме; но оно не было осуждено церковным судом, и у Папы нет полномочий выносить такой приговор. Таким образом, декрет от 18 июля 1870 года, несмотря на внешность, не означает полной передачи всех полномочий от Собора Папе.

Безусловно, нынешняя ситуация серьёзна. Различия, которые я только что обозначил, большинству людей покажутся чересчур тонкими. Широкие массы католиков, естественно, склонны неограниченно расширять власть римского понтифика, и вызывает тревогу, что

почтительное молчание епископата позволяет им всё глубже укореняться в этом направлении. Но, в конце концов, в нынешнем состоянии дел, юридически непогрешимость, признанная за Папой, не распространяется на вопросы, касающиеся временной власти и её отношений с религией. Следовательно, те части Энциклики и Силлабуса, которые касаются этих вопросов, не подпадают под папскую непогрешимость.

Издатель Силлабуса, опубликованного в Женеве, допустил в этом отношении ошибку, придающую его изданию характер фальсификации — несомненно, непреднамеренной, но весьма серьёзной. Он разместил анафему в начале каждой статьи. Однако анафема — это формула, зарезервированная для решений Соборов, обязательных для всех католиков, и в тексте самого Силлабуса её нет. Тем самым, создаётся впечатление официального церковного постановления, в то время как, как только что было разъяснено, это не более чем мнение Пия IX и его советников. Это похоже на поступок писателя, который включил бы обычные законы или полицейские постановления в сборник конституционных текстов.

Итак, подавление гражданской свободы вероисповеданий не является догматом католической веры. Можно быть верным католиком и сторонником этой свободы. Чтобы подавление гражданской свободы вероисповеданий стало предметом католической веры и чтобы каждый католик был обязан работать над осуществлением этой меры, это должно было бы быть предписано Собором, или Собор должен был бы расширить непогрешимость Папы на вопросы подобного рода. Можно понять, что невнимательные умы или увлечённые пылом борьбы перешагивают границы истины, а то и правдоподобия, утверждая, будто с момента последнего Собора не только все слова прежних или будущих пап, но и все их поступки объявлены непогрешимыми и божественными. Подобный образ мышления следует оставить абсолютно фанатичным католикам, неделикатным протестантским полемистам, неразборчивым в выборе оружия, и журналистам из той либеральной партии, которая в своей программе записала уничтожение свободы других.

Вместо того чтобы столь явно преувеличивать значение уже и без того крайне серьёзного факта, людям, чьё религиозное и общественное чувство стоит выше конфессиональных споров, следовало бы приложить усилие в противоположном направлении. Собор ещё не завершён. Рано или поздно он возобновит свои заседания и включит в повестку дня вопрос об отношениях Церкви с гражданским обществом — вопрос, в который неизбежно входит и вопрос свободы вероисповедания с общественной точки зрения. Решение, которое может быть принято в этом отношении, будет иметь высочайшее значение для будущего Римской церкви и для будущего христианских обществ. Государства всегда будут принимать определённые меры для охраны нравственности и для пресечения публичного распространения учений, являющихся прямым подстрекательством к деяниям, квалифицируемым законами как преступления или правонарушения.

Но если бы Католическая церковь, как религиозное сообщество, торжественно заявила, как это уже сделали некоторые её представители, что она стремится к владычеству над душами только «силой убеждения и преданности», и что она решительно отвергает всякий призыв к светской власти для применения физического насилия в делах веры, — такое заявление стало бы принципом умиротворения и послужило бы одновременно интересам религии и интересам общественного порядка. Римская церковь жила бы под водительством главы, которого она провозгласила непогрешимым в определении правил веры и нравственности для своих верных. Её утверждения подвергались бы свободному обсуждению и критике со стороны её оппонентов; но попытки ограничить её свободу уже не могли бы прикрываться предлогом, будто она угрожает свободе других.

Следовало бы горячо желать, чтобы в случае возобновления заседаний Собора мощное проявление общественного мнения дало понять главам Римской церкви высочайшую

уместность подобного заявления. Это должно бы привлечь самое пристальное внимание всех людей доброй воли, имеющих участие в управлении народами и в формировании общественного мнения.

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Государственные церкви

Государство, в том смысле, в каком этим словом обозначают объединение граждан, есть общество, которое, за исключением относительно редких случаев натурализации или эмиграции, является невольным обществом, применяющим принуждение к своим членам. За исключением указанных исключений, индивид входит в состав определённого государства либо по праву завоевания, либо по праву рождения, и правительство при необходимости применяет силу, чтобы заставить его подчиняться закону.

Церковь же имеет иные черты. Она по своей природе является свободным обществом, возникающим из согласия её членов в отношении общей веры. Как только население перестаёт быть единодушным в своих верованиях, это согласие выделяет определённое число людей из состава общества, частью которого они были, и формирует их в отдельную ассоциацию. Эта ассоциация, частная в одном смысле, с другой стороны носит характер универсальности, противоположный локальной природе политических организмов, ибо интересы духовного порядка не знают границ. Пока идея Церкви не искажена, никто не обязан быть её членом, и церковные власти, обладая влиянием и убеждением, не имеют никакого принудительного средства ни для того, чтобы удерживать кого-либо против его воли в религиозной общине, ни для того, чтобы налагать на него наказания, которым он не подчинился бы добровольно.

История отмечает в этом отношении множество злоупотреблений — прискорбных, а иногда и ужасающих, — но все эти злоупотребления возникают исключительно из ложных отношений, установленных между духовной и светской властью, ибо Церковь, в качестве Церкви, никогда не имела меча в своих руках. Даже в Римском государстве, где различие властей, на первый взгляд, кажется полностью утраченным, Церковь никогда не осуществляла напрямую светскую власть. Папа лишь совмещал в себе качества главы священников и правителя маленького государства. Это совмещение функций было упразднено средствами, которые нельзя одобрить с точки зрения общественного права, но религиозные последствия этого, вероятно, будут благотворны.

Суверенитет государства, в случае, если граждане равны, осуществляется через решения большинства. Власть большинства — это не право, которое можно установить на основе принципов, а простая необходимость. Существование общественной власти необходимо, и когда провозглашено равенство граждан, эта власть может принадлежать только большинству, так как любой другой способ её установления противоречил бы самому равенству. Большинство принимает решения, которые могут касаться основополагающих принципов общественного порядка, и эти решения обязательны для всех, кто молчаливо их принимает, оставаясь в данной стране. В Церкви же, членом которой никто не является иначе как по свободному согласию, основные основания учреждения предшествуют согласию, которое им даётся, и, таким образом, принимаются единодушно всеми членами общества, а не определяются большинством.

Разногласия и голосования возможны лишь по второстепенным вопросам. Если же спор касается основополагающих пунктов, которые должны быть предметом предварительного и единодушного признания, тогда понятие Церкви искажается: на деле существует две Церкви или даже больше под видом одной. Слишком часто, к большому ущербу для ясности и

правильности представлений, смешивают большинство, лежащее в основании демократического государства, и единодушие, лежащее в основании Церкви.

Всякая религиозная община происходит от основателя, высказывающего определённые доктрины и правила поведения, которые он предлагает на одобрение своих ближних. Так формируется группа людей, передающих принятую доктрину, и эта доктрина становится традицией. Церковь есть одновременно общество и школа. Иногда ошибочно противопоставляют эти два понятия — общества и школы, — хотя они объединяются в идее учительствующего сообщества. Принятие заранее установленного учения образует общество, которое, по естественной потребности в прозелитизме, передаёт и стремится распространить ту традицию, которая составляет его raison d'être (основание существования). Там, где эта традиция исчезает, уже не будет ни общества, ни школы; уже не будет Церкви в подлинном смысле слова, поскольку не останется никакой причины для существования религиозной общины, отделённой от всего остального общества.

Одна из самых странных ошибок нашего времени — это утверждение, что религиозное общество может существовать без элемента доктрины. Когда говорят о единении душ в простой общности религиозной жизни, абстрагируясь от всякой веры, забывают, что ни один акт религиозной жизни не обходится без веры, которую он выражает. Простой христианин, конечно, не знает вопросов, обсуждаемых учёными относительно имманентности и трансцендентности Божественного Существа; формулы учёной догматики для него чужды и должны оставаться таковыми. Но если он молится, то уже самим этим актом решает высочайший вопрос теологии, ибо он тем самым утверждает на деле существование свободного Бога и наличие подлинных отношений между тварью и Творцом, то есть он утверждает одновременно и имманентность, и трансцендентность.

Большинство людей всегда будут неведущи в спорах о детерминизме человеческих поступков; но всякий, кто испытывает чувство раскаяния, уже делает выбор в пользу теории свободной воли. Не обязательно уметь интеллектуально формулировать доктрину, чтобы практиковать её и испытывать её влияние; нередко бывает даже так, что некоторые люди не осознают догматы, которые составляют основание их нравственной жизни, так же как есть и другие, которые с относительной искренностью исповедуют догматы, в которые на самом деле не верят. Если наблюдать только одного человека, можно упустить связь между доктриной и жизнью, между верой и действием. Этот человек, весьма твёрдый на словах в доктрине о грехе, вполне доволен своей природой, тогда как другой, утверждающий свою веру в доброту человеческой природы, в действительности своей искренней скромностью показывает, что он чувствует нищету своего состояния. Первый не верит в доктрину, которую исповедует; второй практикует доктрину, которую теоретически отрицает.

Но то, что может встречаться в личных проявлениях, не устоит со временем и не сохранится в общем. Несогласованность — удел отдельных личностей; но со временем и на уровне общего — логика берёт своё. Перестаньте учить о Божьей свободе — и молитва прекратится. Учите о природной доброте человеческого сердца — и вы скоро увидите, как нравственность понизится, потому что за норму добра начнут принимать повседневную практику. Доктрина есть интеллектуальный элемент религии. Если она не производит действия на сердце и совесть, она не имеет ценности, ибо она — средство для духовной жизни, а не её цель; но это — необходимое средство. Отвергнуть его — значит желать достичь цели, отвергая единственный путь, ведущий к ней. Следовательно, верно, я повторяю: индивид может быть благочестивым, не имея чёткого сознания доктрин, которым его благочестие свидетельствует, но это неверно в отношении последовательного объединения людей: без доктринальной традиции Церкви больше нет.

В истинной Церкви присутствуют преимущества ассоциации, благодеяния общности. Вера может быть только личной по своему происхождению, но она укрепляется через совместное исповедание. Это не явление, присущее исключительно религиозной сфере. Почему устраивают столь много патриотических, филантропических или иных собраний? В значительной степени — для того, чтобы укрепить каждого в его убеждениях и чувствах посредством соприкосновения с убеждениями и чувствами других. Совместное участие в богослужениях и в организованном моральном сообществе людей, разделяющих одну веру, — не только приятно, но и полезно, ибо в силу основных законов духовного порядка личные верования оживляются соприкосновением с общей верой.

Какое различие между состоянием души человека, выражающего лишь своё индивидуальное мнение, и состоянием того, кто присоединяет свою веру к словам векового Символа, произносимого тысячами голосов в различных уголках земного шара! В Церкви есть поддержка вере, есть поддержка и нравственности. Мораль имеет смысл только для индивидуальной совести: тому, кто не ощущает чувство долга, никакое внешнее слово не сможет этого внушить. Но общность обладает собственной способностью укреплять волю. Установленные в ассоциации правила, и поддерживающая их дисциплина имеют благотворную силу, которую боязнь формализма не должна заставить нас забывать. Оставить каждого самому себе, чтобы все его действия были абсолютно спонтанными, — значит желать уничтожить из страха перед злоупотреблениями высокоценное благо. Тот, кто забудет о солидарности, соединяющей нас, и увидит лишь индивида, никогда не поймёт человека. Церковь — это родина для душ; она осуществляет в духовном порядке те блага, которые в мирском порядке порождает любовь к Отечеству.

Таковы некоторые из признаков подлинной Церкви. При условиях современного общества и при нынешнем настрое умов эти признаки могут быть искажены или разрушены действием государства. Церковь, образованная свободным присоединением её членов и сохраняющая полную автономию в духовной сфере, может быть связана с гражданским обществом конкордатом, касающимся жалования духовенству или иных подобных вопросов, не теряя при этом своих отличительных черт. Если же связь, соединяющая её с государственными органами, будет разорвана, она продолжит существовать в полноте своей организации. Это можно видеть теперь в Женеве, где Католическая церковь, полностью отделённая от государства, осталась такой же, как и прежде, тогда как современная протестантская церковь прекратила бы существование как организованное тело в тот день, когда государство отошло бы от неё. Конкордатная церковь остаётся церковью; но милости со стороны власти всегда опасны, поскольку рискуют ввести мирские мотивы в набор духовенства. Мы видели, например, как новые протестанты Германии, именуемые старокатоликами, организовались независимо от государства, а затем обратились к правительству с просьбой о его официальной поддержке, покровительстве и жаловании за счёт государственной казны.

Очевидно, что люди, вступившие в это движение, принадлежат к двум различным категориям, между которыми находятся некоторые промежуточные группы. Одни преимущественно озабочены политическими и социальными интересами и действуют под влиянием чувства национальной принадлежности: их главная цель — борьба с Римом; с религиозной точки зрения их заботы носят по существу отрицательный характер. Другие же — люди благочестивые, христиане по убеждениям, но отказывающиеся признавать декреты Ватиканского собора. Очевидная опасность, угрожающая так называемому старокатолическому движению, заключается в преобладании отрицательных и исключительно политических элементов. Как не понять, что благосклонность правительства Берлина по своей сути способна значительно усилить эту опасность и может привести к тому, что религиозное проявление, имевшее бы лучшие перспективы, потерпит неудачу в рамках узкого национализма?

Вопрос о конкордатных церквях имеет историческую сторону, не позволяющую решать его лишь в рамках чистой теории; влияние такого положения вещей в значительной степени зависит от различных обстоятельств. Однако это влияние ни в каком случае не может быть сопоставлено с влиянием, которое оказывает сама национальность религиозных учреждений, то есть существование церквей, которые не только признаны, но и учреждены государством, и чья организация утверждена политическими органами на тех же основаниях, что и гражданские законы. Между церквями, признанными государством, и церквями, учреждёнными государством, существует глубокое различие, которое часто упускается из виду из-за текущих страстей — ведь страсти порождают тьму, это пламя, производящее дым.

В системе церквей, учреждённых государством, существуют два различных случая. Первый — когда религия юридически навязана всем гражданам, то есть всем лицам, обладающим политическими правами; либо когда всякий иной культ, кроме национального, запрещён, либо когда такой культ терпим, но исключительно для иностранцев. Такое положение дел было в целом установлено в Европе после религиозных войн XVI века. В странах, составляющих современную Швейцарию, большинство государств были либо юридически католическими, либо протестантскими. Никто не мог быть гражданином Женевы, не совершив публичного акта присоединения к реформатской вере, и только гражданам Ури и Швица разрешалось исповедовать католицизм. Это была полная отмена религиозной свободы для всех, кто не решался на эмиграцию; но поскольку членство в Церкви было необходимым условием членства в государстве, политические органы состояли только из людей, формально считавшихся верующими.

Второй случай — когда политическая конституция устанавливает свободу религии, так что каждый гражданин имеет право участвовать в общественной жизни независимо от своей веры. В результате членство в национальной Церкви становится независимым от любых условий вероисповедания. Каждый гражданин по праву является членом Церкви, а сама Церковь лишена права исключить из своих рядов, какого бы то ни было человека. Свобода религиозной ассоциации тем самым уничтожается, ибо основное право всякой ассоциации — устанавливать условия для вступления и пребывания в ней.

Как может функционировать подобная система? Если Церковь исповедует некую общую веру, то эта вера будет утверждена большинством её членов и навязана всем. Чувство справедливости будет сильно оскорблено, поскольку мнения, которые имеют право на существование в Церкви, не будут иметь права в ней проявляться, а определённые доктрины будут навязаны проповедью и воспитанием детей тем лицам, которые эти доктрины отвергают, но, несмотря на это, по праву являются членами Церкви, поскольку они — граждане государства. Большинство, формулирующее догму, по сути своей переменчиво, и в церковные дела, ради его формирования, проникнут все страсти и интриги политики.

Захотят ли, чтобы все мнения могли проявляться, отказаться от всякой формы догматического учения? В таком случае придётся отказаться от всякой иной характеристики Церкви, кроме территориальной. Это будет Церковь Женевы или Берна, Лейпцига или Берлина; но это уже не будет ни протестантской Церковью, ни католической, ни христианской — поскольку все эти термины предполагают наличие общей доктрины. Заметим в связи с этим, что можно себе представить национальную Церковь, но нелогично существование двух таких Церквей. Трудности, возникающие из-за организации двух Церквей в стране с полной свободой мнений, ярко проявились при создании второй национальной Церкви, так называемой католической, Большим Советом Женевы. Члены Совета столкнулись со щекотливым вопросом: кто протестант, а кто католик? Поскольку предполагалось, что все религиозные полномочия будут исходить от всеобщего голосования и выборов, необходимо было определить условия электората в одной или

другой из двух церковных организаций, учреждённых законом. Поскольку обе Церкви были провозглашены национальными, нельзя было прибегать к догматическим или сакраментальным критериям.

Было решено, в целях порядка, что гражданин может переходить из одной Церкви в другую только раз в два года. Оставалось определить, что в течение этих двух лет отличает протестанта от католика. Рациональным решением было бы прибегнуть к волеизъявлению самих лиц: каждый мог бы по своему выбору записаться в ту или иную Церковь. Этот логически необходимый подход отвергли, потому что добровольная регистрация имела бы два вероятных последствия: часть населения осталась бы вне религиозных учреждений, и стало бы явно видно, что новая так называемая католическая национальная Церковь не имеет ничего общего с ранее признанной Католической Церковью. Политические соображения, таким образом, встали на пути разума, и чтобы выйти из затруднительного положения, Большой Совет делегировал Государственному совету полномочия окончательно определять церковную принадлежность каждого гражданина.

Каким образом может воспользоваться Государственный совет этим правом? Возможны два варианта: либо он будет произвольно распределять граждан между Церквями, либо его вмешательство будет иметь своей целью лишь обеспечение исполнения воли отдельных лиц, навязывая одной или другой Церкви граждан, желающих в ней участвовать в выборах, даже если они были бы, например, явно иудеями или публично исповедовали атеизм. Вероятно, на практике правительство будет колебаться между этими двумя подходами. Если возникнет соответствующий случай, оно, вероятно, откажется признать регистрацию известного иудея в протестантской или католической Церкви, но без затруднений зарегистрирует откровенного атеиста, который по собственному желанию станет юридическим католиком или протестантом, просто в силу своей воли.

Отказ в регистрации иудею будет нелогичен; регистрация атеиста будет прямым следствием провозглашённых принципов. Качество гражданина независимо от какого-либо религиозного условия. Всякий гражданин по праву является членом национальной церкви. Следовательно, качество члена национальной церкви независимо от какого-либо религиозного условия. Вывод — чудовищен, но силлогизм безупречен. Таков неизбежный результат национального характера церквей в стране, где установлена религиозная свобода.

Говорят, что государство не вмешивается в догматы, не касается догмата, и некоторые, кажется, произносят это с серьёзностью и добросовестностью. Они не задумываются о том, что государство, предоставляя право входить в церковь людям с любыми взглядами, не навязывает догмат, но запрещает церкви его иметь. А между тем запрет на существование какого-либо догмата — это догматическое решение чрезвычайной важности.

Чтобы увидеть крайние последствия этого принципа, нужно обратиться к церковному закону Невшателя, который недавно был скопирован кантоном Женева. Этот закон не только запрещает установление общего вероучения для всех церквей кантона, но даже запрещает приходам устанавливать такое вероучение. Служители культа, однажды избранные, абсолютно свободны в своём учении, при условии, что они не нарушают общественного порядка и не посягают на нравственность. Они могут шесть лет проповедовать любую доктрину своим слушателям и преподавать её детям, по прошествии которых подлежат переизбранию. Таким образом, каждый служитель культа в сфере проповеди и учения становится своего рода временным и выборным автократом.

Как только в обществе установилась свобода мнений, и возникло реальное многообразие верований, национальный характер церкви уничтожает догмат. То, что в полной мере

произошло в протестантских церквах Невшателя и Женевы, рано или поздно произойдёт в любой церкви, учреждённой государством — это всего лишь вопрос времени. Национальность ведёт к отрицанию догмата; а отрицание догмата, в свою очередь, поддерживает национальность культов. В реформатских церквах возникла партия, называющая свои взгляды «либеральным протестантизмом». Она состоит из людей самых разных убеждений — от унитарной доктрины христианина Чаннинга до концепций левой гегельянской школы, включая идеи савойского викария. Этих людей объединяет общее отрицание — отрицание традиционной ортодоксии. Единственным утвердительным принципом, объединяющим их, является свобода мысли — та же самая свобода, которая объединяет Эпикура и Платона в философской общности.

Два примера, из многих возможных, ярко освещают рассматриваемое явление.

Первый — это заявление пастора Французской церкви, который, чтобы показать, насколько религия независима от любого догмата, утверждает, что можно быть «глубоко приверженным христианской религии», одновременно придерживаясь мнения, что Иисус никогда не существовал. Автор считает эту гипотезу чрезмерной, но формулирует и допускает её как средство дискуссии.

Второй — это существование катехизиса, переведённого с немецкого языка, который стал поводом для обращения к народу со стороны части Женевского консистория и избирательного плебисцита от 15 декабря 1872 года. Внимательное изучение этого небольшого учебника, в сравнении с богословскими публикациями школы, которая его издала, убедит любого вдумчивого и компетентного читателя в том, что он был составлен так, чтобы мог использоваться как пасторами, признающими бессмертие души и будущий суд, так и пасторами, по мнению которых утверждение о вечной жизни означает лишь то, что последствия наших поступков сохраняются в этом мире после полного уничтожения нашей личности.

Эти два факта исключительно показательные. За исключением действия привычки, влияния воспоминаний и материального единства храмов, что же объединяет в одном учреждении людей, приверженных древней вере, и других, отрицающих её самые элементарные основы? Только одно: государственный бюджет. Церковное объединение индивидов с абсолютно противоречивыми религиозными взглядами было бы «нечто такое, чему нет имени ни в одном языке», если бы в условиях современного общества и после установления полной религиозной свободы граждан это «нечто» не могло бы законно называться национальной церковью. Только государственный бюджет удерживает под именем «церковь» учреждение без догматов. Уберите бюджет — и эти номинальные церкви распадутся на разрозненных членов.

Поэтому вполне понятно, что люди, называющие себя либеральными протестантами, нередко являются явными сторонниками национального характера культов, ведь национальность культов разрушает всякий догмат, а разрушение догмата и есть основной принцип, которого они придерживаются. Национальный характер культов, при признанной свободе мнений, тем самым уничтожает церкви в древнем смысле этого слова и разрушает все блага, проистекающие из религиозного объединения. Говоря сегодня о национальных церквах, нельзя забывать, что прилагательное пожирает существительное. Здесь речь идёт не только об уничтожении добра, но и о создании положительного зла.

Борьба различных мнений в одной стране — естественное следствие свободы. Но то, что ищут в церкви, — это как раз убежище от встречных ветров, сталкивающихся на площади. Каждый свободен пойти в один день на мессу, в другой — на протестантскую проповедь, в третий — в синагогу, если ему так хочется. Делая это, он знает, что переходит из одной

религиозной общины в другую; он удовлетворяет, на свой страх и риск, своё стремление к исследованию или разнообразию. Но каков может быть результат противоречивых мнений по самым основаниям религии, изложенных в одном и том же церковном учреждении, в тех же храмах, в тех же внешних формах, под видом религиозного единства?

Всякая церковь, исповедующая общее вероучение, оставляет вне своей догматики множество пунктов, относящихся к свободе личных мнений; но если у сообщества нет официального учения, возможны только два исхода: Либо каждый человек, независимо от пола, будет считать свои личные взгляды правилом веры — и тогда узость ума примет значительные масштабы. Либо индивидуальная мысль не будет фиксироваться ни на чём, и изложение противоречивых идей с одних и тех же кафедр породит в народе обильный источник скептицизма. И это ещё не всё: нравственный порядок подвергнется серьёзному удару.

Заключать непримиримых противников в одном общем доме — не способ заставить их жить в мире. Когда служители одного и того же исповедания заявляют, печатают, публикуют, что на деле принадлежат к двум разным религиям, внешнее сообщество, которое их объединяет, лишь ожесточает и отравляет все их споры. Своим официальным положением они как бы признают право всех мнений на выражение внутри Церкви, но на деле оспаривают его. Одни возмущаются тем, что кто-то претендует на принадлежность к христианской Церкви, отрицаючи основы христианства; другие — тем, что пытаются навязать правило веры членам государственного учреждения, которое, по их мнению, должно быть открыто для всех взглядов. Обе позиции одинаково легко можно защищать неоспоримыми аргументами. Так обнаруживается противоречие между понятием Церкви и понятием нации. Ложь (я говорю о лжи, заключённой в самих фактах) можно устранить, только выйдя из государственного бюджета. Несомненно, в недрах наших национальных Церквей совершается немало доброго под влиянием личной преданности и усердия служителей, но сами учреждения стали источником духовной смерти. Церковь, учреждённая государством при режиме свободы мнений, гарантированной всем гражданам, — не просто потухший светильник, а источник туманов тёмных и вредных.

Если бы свобода независимых от государства религиозных объединений сохранялась в полной мере, зло было бы относительно невелико; но национальные учреждения создают иллюзию, которая вредит осуществлению этой свободы. Чтобы быть в истине, следовало бы признать и провозгласить, что государство учреждает общественные школы религиозного изучения и споров, в которых любые мнения могут свободно высказываться официально оплачиваемыми ораторами. Эти учреждения, не имея никакого отношения к сообществам верующих, не должны называться Церквями, и каждый бы знал, что, желая участвовать в религиозном общении, следует обращаться в другое место. Слово создаёт иллюзию. Люди считают, что у них есть Церковь, в то время как её нет; они склонны потому называть сектантами тех, кто чувствует потребность примкнуть к подлинному сообществу. Государственные Церкви, таким образом, выступают в духовном пространстве как мёртвые стволы, занимающие почву и препятствующие росту жизненных семян.

Кроме того, государство, поддерживая церковные учреждения, подвергается искушению посягать на свободу. Само существование так называемой национальной Церкви побуждает рассматривать инакомыслящие культы как враждебные патриотизму; общественное мнение осуждает их, и это особенно опасно в демократиях. Если речь идёт лишь о немногочисленных сектах, их терпят; но если появляется Церковь, способная оказывать значительное влияние, она вызывает серьёзные опасения. Путаница между гражданскими и политическими законами, обязательными для всех, и церковными законами, обязательными только для добровольно принявших их, легко укореняется в умах: диссиденты начинают выглядеть как мятежники, вмешиваются народные страсти, и свобода вероисповеданий

оказывается под серьёзной угрозой. В недавнюю эпоху пасторы свободной Церкви кантона Во арестовывались жандармерией и насильственно возвращались в родные коммуны как мятежники; а совсем недавно правительство Берна запретило изгнанным им священникам проживать на родине. Арбитрарно принятые указы об изгнании швейцарских граждан стали прямым следствием национального характера культов. Когда правительство идёт по этому пути, оно приобретает самого непримиримого врага — человеческую совесть — и вносит новые причины смут и разделений в уже и без того беспокойное общество.

Автономия религиозных общин — само условие их существования. Полное отделение Церквей от государства — не принципиальный вопрос, решаемый в абсолютных терминах. Бывают обстоятельства, при которых режим конкордатов может быть полезен; но всё более убедительные факты показывают, что в наши дни свобода религиозных сообществ может быть обеспечена только путём отделения. До сих пор Церкви либо покровительствовались, либо подвергались гонениям со стороны правительств; пора бы уже испытать режим свободы и увидеть его плоды. Опыт Соединённых Штатов Америки недостаточен для окончательного решения вопроса. Американские культы происходят от европейских, и население США постоянно пополняется эмигрантами, приносящими с собой заботы и предрассудки своей прежней родины. Возможно, потребуется ещё много времени, прежде чем можно будет оценить влияние по-настоящему свободного проявления религиозной веры.

Отделение Церкви от государства, к которому необходимо стремиться, не есть отделение религии от общества. На важность религии для общества ссылаются, чтобы оправдать сохранение национальных Церквей. Но если верно, что религия будет оказывать тем большее влияние на людей, на семьи, и тем самым на общество, чем более она будет по-настоящему свободной, то данный аргумент обращается против тех, кто им пользуется. Полная независимость церковных организаций не исключает религиозных проявлений национального характера. Когда президент Соединённых Штатов приглашает всех граждан — не принуждая ни одного — прийти в свои места поклонения для общей молитвы, он тем самым одновременно признаёт и наличие религии, исповедуемой народом, и свободу различных Церквей.

Ошибочно также считать, будто отделение Церкви от государства требует отмены законов об обязательном воскресном покое. Если гражданская власть считает полезным обеспечить каждому гражданину право на еженедельный отдых (что никак не связано с обязанностью религиозных действий), то естественно установить день покоя на воскресенье в стране, где большинство населения исповедует христианство, так же как это был бы субботний день в стране, где преобладают иудеи. Религиозная практика большинства здесь — простой факт, который гражданская власть учитывает, не придавая своим мерам какого-либо церковного характера.

Отделение Церквей от государства вызывает практические вопросы, требующие изучения. Формула, согласно которой государство должно игнорировать Церковь, и вслед за этим мгновенно упразднить государственный бюджет культов — слишком проста, чтобы быть истинной. Необходим будет ряд переходных мер. После осуществления разделения церковная собственность будет подчиняться общему праву, регулирующему коллективную собственность любых объединений. Вопрос о культовых зданиях не вызовет затруднений в отношении тех, что принадлежат коммунам, — поскольку последние будут ими распоряжаться по своему усмотрению; однако возникнут и другие вопросы собственности, которые, если мы хотим следовать правовым принципам, должны будут передаваться компетентным судам и в отдельных случаях, на переходный период, потребуют законодательного вмешательства. Некоторые меры будут носить постоянный характер — я укажу на две, первая из которых касается служителей культа.

Духовенство, при режиме официально признанных Церквей, освобождено от военной службы. Было бы странным насилием над чувствами народа запретить возможность иметь служителей религии, занятых своим служением и не обязанных носить солдатскую форму. Проблема не возникает в Англии и США, где армия комплектуется на добровольной основе. Но для континентальных государств вопрос стоит иначе, хотя решение его несложно. Врачи, как правило, призываются на службу исключительно для выполнения профессиональных обязанностей. Было бы разумно установить подобный порядок и для служителей культа — чтобы они призывались в армию только для исполнения духовных обязанностей или дел милосердия в медицинской службе. Государство, дабы избежать злоупотреблений, могло бы установить пропорцию между численностью религиозных общин и количеством священнослужителей, которых можно официально признать. Помимо армии существуют и другие государственные службы, в которых невозможно игнорировать существование служителей религии. Нельзя открыть тюрьмы и больницы для всех без исключения, но и нельзя лишить больных и заключённых всякой религиозной помощи. Придётся, следовательно, признать существование капелланов и духовников, которые, не будучи государственными служащими, будут признаны государством.

Второй вопрос касается мест захоронения. Некоторое число христиан (а это чувство довольно широко распространено среди человечества) считают захоронение умерших актом, имеющим религиозный характер, и, следовательно, стремятся погребать своих усопших в специально освящённом месте. Там, где это чувство существует, бессмысленно насильно его подавлять, и всякое ненужное насилие по отношению к достойным уважения чувствам приносит вред. И здесь решение проблемы представляется простым. Частным лицам позволено открывать семейные кладбища; почему бы тогда не позволить Церкви — при соблюдении требований, касающихся общественного здравоохранения, — на свои собственные средства устроить кладбище? Каждая община при этом должна иметь кладбище, находящееся под гражданским управлением и открытое без различия для любых останков. Закон, устанавливающий свободу захоронений, положил бы конец прискорбным конфликтам.

Разделение Церкви и государства действительно повлекло бы за собой определённые практические трудности; но эти трудности могли бы быть смягчены при помощи серьёзного предварительного изучения вопроса и, в любом случае, были бы ничтожны по сравнению с трудностями, присущими нынешнему положению дел. Эти последние могут лишь увеличиваться со временем, поскольку являются неизбежным результатом принципов современной цивилизации, то есть введения религиозной свободы и разграничения между церковным и гражданским статусом человека. В системе государственных церквей необходимо, чтобы политические органы высказывались по поводу условий соглашения между светской властью и религиозными общинами; но принуждать к созданию Церквей органы, не имеющие никакой религиозной квалификации, — это сущий абсурд. Завеса привычки и исторические прецеденты часто мешают это признать, но по мере того как последствия этой системы станут проявляться, абсурдность её станет всё более ощутимой. Речь идёт только о том, хотят ли люди позволить этим затруднениям расти до бесконечности. Не было бы разумнее предупредить крайности?

Около сорока лет назад дело независимости Церквей было с блеском защищено в Швейцарии Александром Вине, чьё красноречие и упорство хорошо известны, и во Франции — отцом Лакордером. Дело Вине осуществилось благодаря его личным публикациям и участию в периодическом издании Semeur («Сеятель»). Отец Лакордер не посвятил этой теме специальных сочинений, сравнимых с трудами профессора из Лозанны, но он защищал её на страницах газеты L’Avenir («Будущее»). Случай, давший повод для его обращения, был следующим: подпрефект города Обюссон при помощи вооружённой силы ввёл в церковь тело человека, умершего без приобщения к таинствам. Лакордер

воспользовался этим случаем, чтобы обратиться к духовенству Франции в статье, в которой, в частности, содержатся следующие строки: «Отряд национальной гвардии внёс гроб внутрь церкви; сила и смерть осквернили жилище Бога... И сделал это он — этот подпрефект! ... Он сидит у своего камина, спокоен и доволен собой. Вы заставили бы его побледнеть, если бы, взяв своего Бога, облечённого, с посохом в руке и шляпой на голове, унесли Его в какую-нибудь хижину, сколоченную из еловых досок, поклявшись больше не подвергать Его оскорблениям в храмах государства».
(L'Avenir, 29 ноября 1830 г.)

Газета L'Avenir не уклонялась от логических последствий мысли Лакордера. Она призывала духовенство отказаться от государственного финансирования, от церквей, собственником которых государство себя считает, чтобы «в полной мере обрести непобедимую силу и неисчерпаемые ресурсы свободы». С тех пор события, происходившие одно за другим, с силой подтвердили аргументы Вине и оправдали чувства Лакордера. Статья LV «Силлабуса» Пия IX осуждает мнение, что Церковь должна быть отделена от государства и государство — от Церкви («Ecclesia a statu, statusque ab Ecclesia sejungendus est»); однако Верховный понтифик может сегодня убедиться, что система союза, применяемая в протестантских странах и даже в некоторых католических государствах, не способствует интересам, представителем которых он является.

В Женеве идея разделения, казалось, продвигалась значительно. В 1855 году комиссия, назначенная Большим Советом, была уполномочена рассмотреть предложение г-на Дюшозаля о разделении Церкви и государства. Благожелательный доклад был представлен г-ном Вильямом Турретини от имени большинства комиссии, председателем которой был генерал Дюфур. Объединение Турретини и Дюшозаля в одном намерении было гарантией того, что вносившийся проект закона не был следствием обычных партийных распрей, а выражал принцип, который объединял людей самых различных политических и религиозных взглядов. Проект не был принят, но идея, казалось, получила распространение в общественном мнении. В законодательных собраниях всё чаще звучала мысль, что движение идёт в направлении разделения. Это предположение выразилось на практике в решении не увеличивать бюджет культа до его полной отмены. В 1872 году г-н Шомель вновь предложил разделение; большинство, отклонившее его, оказалось крайне незначительным, и можно было подумать, что дело выиграно. Но это было обманчивое впечатление.

С этого момента и по причине борьбы с ультрамонтанством произошёл внезапный и полный поворот. Все ранее исповедуемые принципы были принесены в жертву войне против влияния Рима. Мы стали свидетелями того, как Большой совет кантона Женева организовал так называемую католическую церковь, определил статус её членов, условия избрания и увольнения её священников. Едва завершив эту работу, тот же Совет принялся за реформирование протестантской церкви. Удивительно, но в момент принятия подобных законов, и по их поводу, вновь и вновь утверждалось, в устной и печатной форме, что движение продолжается в направлении разделения Церкви и государства, и что принятые меры ведут именно к этой цели.

Здесь мы имеем дело с колоссальной путаницей понятий. Говорили: «Католический закон передаёт народу церкви право и обязанность управлять своими делами; правительство передаёт избирателям приходов те полномочия, которыми ранее обладало в церковных делах». Это утверждение абсолютно ложно, если только многократное повторение ошибки не превращает её в истину. Достаточно взглянуть на факты: новые церкви учреждаются по предложению Большого совета, голосуются всем народом в целом, а приходы могут действовать только в строго установленных рамках, которые в действительно существенных вопросах полностью ограничивают их свободу.

Наоборот, эти меры вовсе не готовят разделение Церкви и государства — они движутся в прямо противоположном направлении. Закон, фактически, навязывает каждой церкви в качестве избирателей любых граждан, пожелавших считаться её членами. Различие между протестантами и католиками сохраняется лишь как след исторического прошлого, не имеющее оправдания в новой структуре. Избирать мэров и служителей культа из одного и того же электората, формировать муниципальные и приходские советы из одних и тех же граждан — значит полностью стереть границу между гражданским и церковным статусом, то есть установить самую полную путаницу между светским и духовным порядками. Это означает полное уничтожение Церкви как свободного сообщества, основанного на добровольной принадлежности своих членов.

Пока перед лицом гражданского правительства существует хотя бы какое-то духовенство или церковный орган, поддерживающий единые нормы учения, сохраняется хотя бы внешнее различие между Церковью и государством; но когда всё религиозное здание основывается на выборах, в которых по праву участвуют все граждане, Церковь поглощается государством, поскольку государство — это не только правительство, но и весь политический организм. Национализация Церквей, отделившихся от Рима в XVI веке, была историческим обстоятельством, последствия которого тогда нельзя было предугадать. То, что было сделано под давлением обстоятельств и без ясного понимания результатов, теперь повторяется без веских причин и при полном осознании последствий.

И утверждать, будто мы готовим разделение Церкви и государства, — значит на деле решительно отступать от этой идеи и всё дальше от неё уходить. Думаю, дело всё же продвигается — но продвигается за счёт того, что система, в своей ложности, становится всё более глубокой и в конечном итоге разрушится сама собой под тяжестью своих последствий. Следует горячо желать, чтобы общественное мнение, крайне заблуждающееся в этих вопросах, было возвращено на правильный путь. В Женеве нельзя ожидать умиротворения умов, пока закон, предоставивший учреждению, созданному правительством, имя, права и собственность католиков, не будет отменён. Если атаке подвергается лишь способ его применения, то вместо серьёзного и плодотворного обсуждения подставляется политическое противостояние без всякой значимости.

Разделение Церквей и государства — это конституционная мера, к которой необходимо готовиться посредством серьёзного изучения вопроса. В недавнем сочинении господин Дубс, член Федерального трибунала Швейцарии и бывший президент Конфедерации, ясно высказывается в пользу системы разделения ("Публичное право Швейцарской Конфедерации", стр. 293). Он утверждает, что «оставить церкви самим себе, при условии, что все они будут уважать права государства», — это единственное средство избежать в Швейцарии «внутренних затруднений и даже осложнений с соседними государствами». Из уст такого человека это мнение, безусловно, весомо и достойно быть обдуманным теми, кто ставит долговечное благо Отечества выше сиюминутных интересов политической партии.

Что ещё важнее, так это укрепить и защитить идею прав совести и религиозной свободы. Религиозная свобода практиковалась в Женеве, возможно, более искренно, чем где-либо на континенте, и до недавнего времени уважалась различными правительствами республики. Но очевидно, что сегодня она находится под угрозой. Она была прямо нарушена, под видом свободы преподавания, посредством закрытия школ братьев христианского учения и сестёр милосердия; ежедневно ей угрожают речи некоторых политических ораторов и публикации ряда журналистов. Говорят: не должно быть государства в государстве; не должно быть иной суверенной власти, кроме народной; требуют абсолютного повиновения законам — всё это легитимно, пока ограничивается рамками гражданского и политического порядка. Но если не различать духовный порядок и временной (а в современных полемиках слишком часто их не различают), к каким результатам это приведёт?

Я нахожу ещё одну точную и новую мысль у г-на Дубса: «США провозгласили религиозную свободу и устранили национальность культов. В этих условиях, на очищенной почве, религиозная свобода стала „созидательной и организующей силой“. В Швейцарии религиозная свобода была установлена при сохранении национальности культов. В национальных церквях, где все мнения имеют право выражаться, религиозная свобода действовала „как растворяющая сила“». Часть католиков проявила стремление к независимости от своей Церкви, и государство создало для них новую церковь. Таким образом и под предлогом религиозной свободы государство искусственно ввело конфессиональное противостояние в собственный организм. Нельзя сказать это лучше.

Христиане имеют другого главу, не Цезаря. Цезарь ли это или народ — не важно. Они знают иные законы, кроме гражданских. Если им всегда запрещено восстание, то сопротивление им всегда предписано, когда гражданский закон нарушает закон Божий. В этом христиане представляют собой прежде всего ту часть человечества, которая обладает совестью и чувством духовной свободы. До тех пор, пока государство будет издавать церковные законы, оно рискует вступить в конфликт с религиозной совестью. Можно, как я уже говорил, оставить свободу безвредным индивидуумам и социально незначительным общинам; но под предлогом нежелания «государства в государстве», нежелания иного суверена, кроме народа, и требования абсолютного повиновения законам, может возникнуть искушение устранить всякую духовную организацию, имеющую влияние — то есть уничтожить свободу вероисповеданий, как только она начнёт приносить плоды.

«Мы хотим народного суверенитета в вопросах религии», — гласила одна предвыборная прокламация, вывешенная несколько месяцев назад на стенах Женевы. Это не слишком обнадёживает на будущее. Следовало бы утвердить в умах основные принципы свободы и не приносить их постоянно в жертву страстям конфессиональной борьбы, которая, возможно, зачастую есть лишь результат искусственно возбуждённых эмоций ради политической выгоды. Наиболее действенное средство утвердить или сохранить свободу — это не просить её, а взять. Я помню, как где-то читал эту справедливую мысль у Эрнеста Ренана. Независимые от государства Церкви утверждают свою свободу, практикуя её — и это наилучший способ её утверждения. Если они сохранятся и разовьются, они тем самым эффективно поспособствуют осуществлению разделения Церкви и государства — разделения, которое рано или поздно произойдёт, если мы хотим избежать объятий демократического деспотизма, и если вместо свободы не должно стать преследование ближайшей судьбой религиозных общин, верных своей миссии.

Цель, к которой следует стремиться, — это серьёзное и полное провозглашение свободы вероисповеданий со всеми её последствиями; не только свободы индивидуальных верований, но и свободы религиозных объединений. Эти два аспекта свободы не должны быть разделены и не могут быть серьёзно разделены. Последняя Конституция, принятая швейцарским народом, утверждает и защищает свободу индивидуальных убеждений, но ставит религиозные объединения с общинной жизнью под усмотрение политических властей. Разве не очевидно, что там, где право на объединение уничтожено, индивидуальное право разрушено в одном из своих существенных проявлений? (См. книгу Шарля Жида: "О праве на объединение в религиозных вопросах", Париж, 1872. Эта книга, написанная протестантом, развивает принципы, осуждающие статьи 51 и 52 Федеральной Конституции Швейцарии.)

Статья 56 этой Конституции устанавливает общее право на объединение, при условии отсутствия злоупотреблений. Но статьи 51 и 52 исключают религиозные ордена из общего права. Это пятно в Основном кодексе народа, который гордится обладанием всеми свободами. Федеральный Совет написал папе Льву XIII 8 апреля 1878 года: «В Швейцарии католическая религия пользуется, как и все другие культы, свободой, гарантированной

Конституцией, с единственным условием, чтобы церковные власти не посягали ни на права и компетенции государства, ни на права и свободы граждан». Это заявление вызывает сомнение в точности, если воспринимать его как отражение фактов. Но оно обнадёживает, если его можно считать программой политики, которую Федеральный Совет желает осуществить.

Религиозные убеждения должны бороться духовным оружием, на почве идей, религиозных убеждений и действий, вытекающих из этих убеждений; но это противоречит всякому разуму и всем подлинно понятым общественным интересам, чтобы в стране, где мнения провозглашены свободными, политические органы принимали участие в религиозных спорах. Подобное вмешательство политической власти может быть понятным в социальном устройстве, где наследственное правительство считает себя ответственным за воспитание народа. Но когда провозглашено равенство граждан, и правительство не имеет иной основы, кроме народного избрания, его воспитательная миссия прекращается, а его вмешательство в религиозные дела — абсурд. «Прекрасное состояние Церкви — когда она поддерживается только Богом», — говорил Паскаль. Верующий должен радостно принять эти слова; и разве искренний либерал не должен признать, что свобода — наиболее верное средство обеспечить торжество истины? Увы, верующие часто недостаёт веры, а либералам — либерализма. Ничто не распространено столь широко, как желание свободы для себя; ничто не столь редко, как желание свободы для другого.

Что касается защиты государства от посягательств религиозных общин, то здесь могут возникнуть только воображаемые трудности. Защита государства — это равная охрана свободы и прав всех; а посягательства какой-либо религиозной общины могут иметь место только в ущерб свободе или правам других. Как только такой случай возникает — общественная власть должна вмешаться для поддержания справедливости, что и есть её истинная миссия. Но такое вмешательство должно, повторю, происходить посредством применения общих законов, а не исключительных законов, направленных против религиозного порядка.

Revue Chrétienne, май 1875.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top